

ЭНДИ ВЕЙЕР

АРТЕМИДА

Бестселлер №1 «NEW YORK TIMES»
от автора «МАРСИАНИНА»

**MUST
READ**
ПРОЧЕСТЬ ВСЕМ

Annotation

Артемида — единственный город на Луне.

Люди здесь занимаются теми же делами, к которым привыкли у себя на родине. Строители и ученые, владельцы небольших лавочек и представители крупного бизнеса — и самым доходным, конечно, является туризм. Десятки тысяч любопытных прибывают на Луну, чтобы пройти по поверхности другого мира, поиграть на корте или даже заняться любовью при силе тяжести в 1/6 от земной.

В общем, город как город. И жители его подвержены обычным человеческим страстям.

Девушка-курьер по имени Джаз мечтает когда-нибудь заработать достаточно, чтобы приобрести скафандр и лицензию гида. Водить туристов по поверхности планеты, быть уважаемым членом общества. Но не так-то просто совершить скачок с одной социальной ступени на другую...

С присущим ему мастерством и вниманием к мельчайшим деталям Энди Вейер, автор великолепного «Марсианина», открывает новую главу бесконечной саги об освоении Солнечной системы!

Энди Вейер

Артемида

Andy Weir
Artemis

© Andy Weir, 2017

© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

* * *

С более чем заслуженной благодарностью посвящается Майклу Коллинзу, Дику Гордону, Джеку Свайгерту, Алу Уордену, Кену Мэттингли и Рону Эванусу^[1]

Глава первая

Я изо всех сил неслась по серой пыльной равнине в сторону купола Конрада. До входного шлюза, обозначенного полосой красных огней, было пугающе далеко.

Даже при лунном тяготении бежать со стокилограммовым грузом нелегко, но поразительно, до чего шустро начинаешь двигаться, когда твоя жизнь в опасности.

Боб, бежавший рядом со мной, включил связь:

— Давай я подсоединю мои баллоны к твоему скафандру!

— Тогда ты тоже погибнешь, вот и все.

— Утечка очень серьезная, — пропыхтел Боб. — Я вижу, как газ выходит из твоих баллонов.

— Спасибо за ободрение.

— Вообще-то это я здесь специалист по работе в безвоздушном пространстве, — заявил Боб. — Так что немедленно остановись и дай мне подсоединить баллоны к твоей системе жизнеобеспечения.

— Ответ отрицательный. — Я продолжала бежать. — Сразу перед тем, как прозвучал сигнал утечки, я слышала хлопок. Скорее всего, рванул клапан. Усталость металла. Если ты начнешь подсоединять свой баллон к моим, ты можешь повредить шланг об острые края разрыва.

— Я готов рискнуть.

— А я не желаю, чтобы ты рисковал. Поверь мне, Боб, я знаю, как ведет себя металл.

Я перешла на длинные, плавные скачки. Выглядело это, словно замедленная съемка, но это наилучший способ передвигаться с тяжелым грузом. Дисплей шлема показывал, что до шлюза осталось пятьдесят два метра. Я перевела взгляд на указатель уровня кислорода на рукаве — показатели падали прямо на глазах. Я решила, что лучше на них вообще не смотреть.

Длинные пряжки доказали свою эффективность — я сильно прибавила в скорости и даже обогнала Боба, а он самый опытный специалист по выходу в безвоздушное пространство на всей Луне. Секрет в том, что каждый раз, когда касаешься поверхности, ты придаешь себе дополнительный импульс. Но это делает каждый прыжок потенциально опасным. Если что не так, ты шлепаешься мордой в пыль и скользишь по поверхности. Скафандры для выхода на поверхность — вещь надежная, но лучше все-таки не тереть их о реголит.

— Ты двигаешься слишком быстро! Если ты упадешь, визор шлема может треснуть!

— Все лучше, чем вакуум сосать, — ответила я. — У меня осталось секунд десять.

— Я прилично отстал, — Боб пыхтел позади. — Ты меня не жди.

Я осознала, с какой скоростью бегу, только когда треугольные плиты Купола заполнили все поле зрения. Купол приближался *очень* быстро.

— Черт! — времени тормозить уже не было. Я прыгнула и перекадилась вперед как раз вовремя и врезалась в стену ногами, скорее благодаря удаче, чем уменью. Боб был прав — я на самом деле бежала слишком быстро.

Я торопливо поднялась на ноги и вцепилась в рычаг, открывающий шлюз.

В ушах хлопнуло, и тут же завыл сигнал тревоги: мой баллон доживал последние секунды и утечка стала неконтролируемой.

Толкнув дверь шлюза, я ввалилась внутрь, судорожно пытаюсь вдохнуть. В глазах темнело. Я пинком закрыла дверь, дотянулась до аварийного баллона и сорвала чеку. Верх баллона отскочил, и воздух заполнил шлюзовую камеру. Воздух выходил из баллона с такой скоростью, что часть его превратилась в туман из-за охлаждения, вызванного быстрым расширением газа. Я рухнула на пол почти без сознания, тяжело дыша и стараясь подавить подступающую тошноту.

Я совершенно не приспособлена к таким физическим нагрузкам. Привязалась головная боль, вызванная кислородным голоданием — это как минимум на несколько часов. Я исхитрилась подцепить на Луне высотную болезнь.

Свист выходящего воздуха постепенно ослабел и наконец затих.

Боб добрался до шлюза. Я увидела, как он заглядывает внутрь через маленький круглый иллюминатор.

— Состояние? — спросил он по радиосвязи.

— В сознании, — просипела я в ответ.

— Встать можешь? Или вызвать кого-нибудь на помощь?

Боб не мог зайти в шлюз, не убив меня, — я лежала в камере в неисправном скафандре. Но любой из двух тысяч человек, находящихся в городе под куполом, мог открыть дверь изнутри и втолкнуть меня внутрь.

— Не надо. — Я поднялась на колени, упираясь руками в пол, потом встала на ноги и, придерживаясь за контрольную панель, включила режим очистки скафандра. Со всех сторон ударили струи воздуха под высоким давлением. Серая лунная пыль вихрилась в шлюзе и исчезала в решетках фильтров, смонтированных в стены.

По окончании очистки внутренняя дверь шлюза автоматически открылась.

Я вышла в прилегающий к шлюзу отсек, закрыла внутренний люк и шлепнулась на скамейку.

Боб прошел шлюз самым обычным образом, без всяких драматических срываний чеки с аварийного баллона (который, кстати, нужно будет заменить). Обычная работа клапанов и насосов. После того, как закончилась очистка скафандра, он присоединился ко мне.

Я молча помогла ему стащить шлем и перчатки. Всегда нужно помочь товарищу снять скафандр. Разумеется, это можно сделать самостоятельно, но возни чертовски много. Так что это старая традиция. Боб, в свою очередь, помог мне.

— Ну и вляпалась же я, — сказала я, когда Боб снял с меня шлем.

— Ты чуть не погибла, — Боб вылез из скафандра. — Нужно было слушать мои инструкции.

Я вывернулась из скафандра, перевернула его и указала Бобу на зазубренный кусок металла, некогда бывший клапаном баллона:

— Клапан взорвался, как я и сказала. Усталость металла.

Боб внимательно осмотрел клапан и кивнул:

— Ты правильно сделала, что не позволила мне подключить мой баллон. Хорошая работа. Но что-то подобное не должно было случиться. Где ты взяла этот скафандр?

— Купила подержанный.

— А зачем ты купила подержанный скафандр?

— Потому что не могу позволить себе новый. Мне едва хватило денег на этот, а вы, говнюки, не даете мне возможности вступить в гильдию, пока у меня не будет скафандра.

— Надо было заранее откладывать на новый. — Боб Льюис в прошлом служил в

Военно-морской пехоте, и его подход к жизни можно было определить как «без дураков». Что еще важнее, он был главным тренером Гильдии Работников безвоздушного пространства (РБП). Он подчинялся Мастеру Гильдии, но именно Боб единолично решал, станешь ли ты членом Гильдии или нет. А без членства в Гильдии нельзя было заниматься индивидуальной работой в безвоздушном пространстве и туристов на поверхность водить нельзя. Так уж Гильдия постановила. Сволочи.

— Ну что? Как я прошла проверку?

Боб фыркнул:

— Шутишь? Ты провалила экзамен, Джаз. Провалила с треском.

— Почему это? — возмутилась я. — Я выполнила все требуемые маневры, завершила все задания и прошла полосу препятствий меньше чем за семь минут. И к тому же, когда случилась эта почти фатальная неприятность, я благополучно вернулась в город, при этом не подвергая опасности своего напарника.

Боб открыл шкаф и убрал туда перчатки и шлем:

— Только ты несешь ответственность за свой скафандр. Твой скафандр не выдержал проверки. Что означает, что *ты* не выдержала.

— Как можно обвинять меня в этой утечке воздуха?! Когда вы выходили на поверхность, все было нормально!

— Наша профессия ориентирована на результат. А Луна — та еще старая стерва. Ее совершенно не волнует, когда твой скафандр придет в негодность. Когда это случится, тут-то она тебя и прикончит. Нужно было внимательнее проверить снаряжение. — Боб убрал скафандр на специальную вешалку в шкафчике.

— Боб, ну серьезно...

— Джаз, ты сегодня чуть не погибла. Как я могу выдать тебе пропуск? — Боб закрыл шкафчик и направился к выходу. — Ты можешь снова пройти тест через шесть месяцев.

Я преградила ему дорогу:

— Но это попросту нелепо! Почему я должна отложить жизнь на полгода из-за произвола Гильдии?

— Будь повнимательнее, осматривая оборудование. — Боб обошел меня и вышел из отсека, бросив напоследок: — И когда будешь ремонтировать этот клапан, плати полную цену.

Я посмотрела ему вслед и в полном разочаровании плюхнулась на скамейку.

— Твою мать...

Я брела домой через лабиринт алюминиевых коридоров. Ну хоть идти было недалеко — весь город меньше чем полкилометра в диаметре.

Я живу в Артемиде, в первом (и пока единственном) городе на Луне. Город состоит из пяти огромных пузырей, называемых «сферами». Пузыри наполовину скрыты под поверхностью Луны, так что город выглядит точь-в-точь как старые писатели-фантасты представляли себе лунные города: скопление куполов. Просто те части, которые ниже уровня грунта, не видно.

В середине находится сфера Армстронга, окруженная сферами Олдрина, Конрада, Бина и Шепарда^[2].

Все сферы соединены между собой тоннелями. Я помню, как в младших классах в школе получила домашнее задание сделать модель Артемиды. Элементарно: несколько мячиков и палочек. Весь процесс занял минут десять.

Добраться сюда стоит недешево, а жить здесь вообще чертовски дорого. Но город не может состоять только из богатых туристов и эксцентричных миллиардеров. Работяги здесь тоже нужны. Вы же не думаете, что мистер Дж. Деньгожуй-Толстосумчик Младшенький сам станет чистить свой туалет?

Вот я как раз и есть одна из таких работяг.

Я живу в районе Нижний Конрад 15, грязноватое такое местечко на пятнадцатом подземном уровне сферы Конрада. Будь это место вином, знаток описал бы его так: «Полное дрянцо с обертонами неудач и послевкусием скверных жизненных выборов».

Я брела вдоль ряда одинаковых квадратных дверей, пока не дошла до своей. «Моя» дверь находилась на нижнем уровне, хоть это хорошо: проще забраться и выбраться. Я приложила Гизмо к замку, и дверь, щелкнув, открылась. Я заползла внутрь и закрыла дверь за собой.

Я легла на койку и уставилась в потолок — находившийся меньше чем в метре от моего лица.

Технически это обозначается как «капсульное жильё», но все называют это «гробами». Просто закрытый отсек с койкой и запирающейся изнутри дверью. Предназначение у такого «гроба» только одно: в нем можно спать. Само собой, в нем можно и еще кое-что делать (тоже в горизонтальном положении), но я думаю, главное вы поняли.

В отсеке есть койка и полка. Общий туалет — дальше по коридору, а через пару кварталов есть и душ. Мой «гроб» точно не украсит собой в ближайшее время обложку журнала «Лучшие дома и пейзажи Луны», но это все, что я могу себе позволить.

Я проверила время. Ой-е-е-ешеньки!

Времени на мрачные размышления не оставалось. Грузовоз Кенийской Космической Компании (ККК) должен был прибыть сегодня во второй половине дня, стало быть, мне нужно было кое-что сделать.

Поясню: день для нас не связан с солнцем. «Полдень» на Луне наступает раз в 28 земных суток и мы его в любом случае не видим. Каждая сфера состоит из двух оболочек толщиной в 6 сантиметров, а метровое пространство между оболочками заполнено дробленным камнем. По городу хоть из пушки стреляй, утечки воздуха все равно не будет. Но и дневной свет внутрь тоже не проникает.

По какому же времени мы тогда живем? По кенийскому. В Найроби уже перевалило за полдень, значит, и в Артемиде тоже.

После своего едва не ставшего последним выхода на поверхность я была вся мокрая и грязная. Времени принять душ уже не оставалось, но можно было хотя бы переодеться. Лежа на спине, я стянула охлаждающий подсафандровик и влезла в синий спортивный костюм. Затянула пояс, потом села на койке по-турецки, убрала волосы в хвостик и отправилась по делам, не забыв прихватить Гизмо^[3].

В Артемиде нет улиц, вместо улиц здесь коридоры. Строительство жилья на Луне стоит уйму денег, и никто не собирается выкидывать средства на строительство дорог. Можно купить электрокарт или скутер, если очень хочется, но вообще-то коридоры предназначены для пешей ходьбы. Сила тяжести здесь всего одна шестая земной, так что много энергии ходьба не требует.

Чем поганее район, тем уже коридоры, а коридоры Нижнего Конрада явно не для страдающих клаустрофобией: тут как раз достаточно места, чтобы два человека могли разойтись, повернувшись боком.

Я направилась к центру Нижнего 15-го уровня. Лифтов поблизости не было, так что я

рванула вверх по лестнице, перепрыгивая через три ступеньки. В центральной зоне лестницы точно такие же, как на Земле, — с маленькими ступеньками в двадцать один сантиметр высотой. Туристам так комфортнее. А там, куда туристы не забредают, ступеньки высотой по полметра. Лунная гравитация в действии, так сказать. Я прыгала через «туристские» ступеньки, пока не добралась до нулевого уровня. Пробежать бегом пятнадцать этажей на Луне совсем не так страшно, как это звучит. Я даже не запыхалась.

Все тоннели, соединяющие сферы, выходят на Нулевой уровень. Само собой, все лавчонки, бутики и прочие ловушки для туристов стараются занять здесь местечко, чтобы пожить с потока пешеходов. В сфере Конрада это по большей части ресторанчики, торгующие безликим месивом для туристов, которым не по карману настоящая еда.

Образовавшаяся небольшая толпа вливалась в воронку тоннеля, ведущего в сферу Олдрина. Это единственный способ попасть в Олдрин (если не хочешь делать крюк через центральную сферу Армстронга), так что тоннель можно считать главной дорогой. По пути в Олдрин я прошла через огромную круглую воздушную заглушку. Если тоннель будет поврежден, вытекающий из сферы Конрада воздух закроет эту заглушку и жители города спасутся. Если же вы оказались в тоннеле в это время... значит, вам сильно не повезло.

— Эй, да это же Джаз Башара! — воскликнул какой-то идиот рядом. Он вел себя так, как будто встретил старого друга, но мы точно не были друзьями.

— А, это ты, Дейл. — Я даже не остановилась.

Дейл поспешил вслед за мной:

— Должно быть, какой-то грузовик прибывает? Единственный повод увидеть твою ленивую задницу в рабочей форме.

— Слушай, помнишь то время, когда я всерьез прислушивалась к твоему трепу? Ох, извини, я ошиблась, не было такого никогда.

— Я слышал, ты провалила экзамен? — Дейл издевательски пощелкал языком. — Я-то прошел с первой попытки, но не всем же быть мной.

— Отвали, придурок.

— Знаешь, туристы шикарно платят за экскурсию на поверхность. Я вот как раз направляюсь в Центр туризма, возьму несколько экскурсий. Денежки так и посыплются.

— Желаю тебе напороться на острый камень на поверхности.

— Э, нет, — ответил Дейл. — Те, кто экзамен прошел, такие глупости не делают.

— Не очень-то и хотелось, — небрежно бросила я. — Можно подумать, выходы на поверхность — это настоящая работа.

— Наверное, ты права. Надеюсь, в один прекрасный день я тоже смогу стать разносчиком товаров, как ты.

— Курьер, — проворчала я. — Это называется «курьер».

Дейл усмехнулся так, что мне захотелось дать ему в зубы. Но, к счастью, мы уже дошли до сферы Олдрина. Я протиснулась мимо него, выходя из тоннеля, где воздушная заглушка стояла наготове, так же как и со стороны Конрада, и резко свернула направо, просто чтобы оторваться от Дейла.

Олдрин во всех отношениях прямая противоположность Конраду. В Конраде полно автопрачечных, стеклодувных, сварочных и ремонтных мастерских... список длинный. А Олдрин — это настоящий курорт. Здесь кругом отели, казино, публичные дома, театры и есть даже самый настоящий парк с настоящей травой. Состоятельные туристы со всей Земли обычно приезжают в двухнедельные туры.

Я решила пройти через Галерею. Не самый быстрый путь к цели, но мне там нравилось.

В Нью-Йорке есть Пятая авеню, в Лондоне — Бонд-стрит^[4], а в Артемиде — Галерея. Магазины здесь не вешают ценники на товары. Если вы спрашиваете цену, значит, вещь вам не по карману^[5]. Отель «Риц-Карлтон Артемида» занимает целый квартал: пять этажей вверх и еще пять — вниз. Номер здесь стоит 12 000 жетонов за одну ночь — это больше, чем моя зарплата курьера за месяц (хотя у меня есть и другие источники доходов).

Несмотря на заоблачную цену поездки на Луну, спрос всегда превышает предложение. Земной средний класс может себе позволить такую роскошь раз в жизни, при условии строгой экономии. Они останавливаются в дешевых гостиничках в дешевых районах, вроде Конрада. Но те, кто побогаче, приезжают каждый год, останавливаются в дорогих отелях и отрываются в магазинах по полной.

Олдрин в первую очередь — денежный порт Артемиды.

Я ничего не могла себе позволить в местных магазинах. Но когда-нибудь у меня будет достаточно денег, чтобы я могла прийти сюда как покупатель. Это была часть моего плана. Я бросила еще один долгий взгляд на витрины, повернулась и направилась к Входному Порту.

Сфера Олдрина расположена ближе всех к Посадочной зоне. Вы же не хотите, чтобы богатеи запачкались, пробираясь через бедняцкие районы, не так ли? Им нужна кратчайшая дорога в места, где все красиво и чистенько.

Я прошла под большой аркой и вышла на территорию Порта. Огромный шлюзовой комплекс — вторая по величине воздушная камера (после Олдрин-Парка) гудел от спешащих туда и сюда работников и служащих порта. Я легко скользила между снующими людьми. Это в городе приходится двигаться медленно, чтобы не сбить с ног случайного туриста. Но территория Порта — только для профессионалов, а мы все давно освоили тустеп^[6] а-ля Артемида и носимся как угорелые.

На северной стороне портового отсека, возле шлюза, несколько пассажиров ждали прибытия поезда. Большинство из них поедут к городским реакторам и в алюминиевый цех «Санчез» в километре от города. Цех по выплавке алюминия использует безумно высокие температуры и исключительно опасные реагенты, так что в свое время все согласилось, что его надо расположить подальше от города. Что касается реакторов... это ж ядерные реакторы, так что тоже чем дальше — тем лучше.

Дейл присоединился к ожидающим поезда. Ему надо было в Центр туризма «Аполлон-11». Туристы обожают этот маршрут. Получасовая поездка позволяет полюбоваться потрясающими видами лунной поверхности, а из самого Центра можно посмотреть на место посадки экспедиции «Аполлон-11» без необходимости надевать скафандр. А к услугам тех, кто хотел выйти из купола и осмотреть место высадки вблизи, всегда были Дейл и другие специалисты по РБП.

Прямо перед входом в шлюз был установлен огромный кенийский флаг. Под флагом виднелась надпись «Вы входите на территорию Кенийской офшорной платформы Артемида. Платформа является собственностью Кенийской Космической Корпорации, и на ее территории действует международное морское право».

Я неприязненно уставилась на Дейла. А он даже не заметил. Черт, такой стервозный взгляд пропал впустую!

Я глянула на Гизмо, чтобы проверить расписание посадочной зоны. Ага, «скотовоза» сегодня нет (это мы так называем пассажирские лайнеры). Они прилетают примерно раз в неделю, так что до следующего еще дня три. Слава богу, а то богатые молодые бездельники,

рыскающие в поисках лунной экзотики и порнушки, ужасно надоедают.

Я направилась на южную сторону портового отсека, к грузовому шлюзу. Грузовой шлюз мог вместить до десяти тысяч кубических метров груза одновременно, но разгрузка проходила медленно. Грузовая капсула прибыла уже несколько часов назад. РБП-мастера завели капсулу в шлюз и провели очистку сжатым воздухом.

Мы принимаем все возможные меры к тому, чтобы лунная пыль не проникала в город. Я вон даже после своего приключения со взорвавшимся клапаном и то не забыла почистить скафандр. К чему такие усилия? Просто лунная пыль исключительно вредна для человеческих легких. Пыль здесь состоит из крошечных острых частиц, поскольку на Луне нет перемен погоды, которые постепенно выглаживают частицы породы на Земле. Каждая пылинка — настоящий щетиный острьями ужас, готовый превратить ваши легкие в ошметки. Лучше пачку асбестовых сигарет выкурить, чем вдыхать эту дрянь^[7].

Когда я подошла ко входу в грузовой шлюз, огромные двери уже открылись и капсула стояла под разгрузкой. Я направилась к Накоши, начальнику бригады грузчиков. Он сидел за рабочим столом и проверял содержимое посылки. Убедившись, что груз не содержит ничего запрещенного, он закрыл коробку и поставил печать с символом Артемиды — большое «А», правая сторона которого стилизована под лук и стрелу.

— Доброе утро, мистер Накоши, — весело поздоровалась я. Я знала Накоши с детства, он был приятелем моего отца, и я считала его практически членом семьи, чем-то вроде доброго дядюшки.

— Становись в общую очередь, мерзавка.

Пожалуй, придется переквалифицировать его из добрых дядюшек в дальние родственники.

— Мистер Н, ну пожалуйста... — заныла я. — Мы же договорились! Я этот груз жду уже несколько недель.

— А ты перевела деньги?

— А вы поставили свою печать?

Не отрывая от меня взгляда, Накоши полез под стол, достал запечатанную посылку и подтолкнул ее в мою сторону.

— Но я не вижу печати, — заметила я. — Нам что, каждый раз все заново обсуждать? Мы же всегда были друзьями. Что случилось?

— Случилось то, что ты выросла и превратилась в хитрожопую занозу. — Он приложил свой Гизмо к посылке. — А ведь такие надежды подавала! Но ты все просрала. С тебя три тысячи жетонов.

— Вы хотите сказать, две с половиной тысячи, как мы договорились?

Накоши покачал головой:

— Три тысячи. Руди тут что-то уже вынюхивал. Чем выше риск — тем больше платишь.

— Вам не кажется, что эта проблема больше ваша, чем моя? Уговор был на две с половиной тысячи.

Накоши хмыкнул:

— Пожалуй, надо бы мне в этот раз внимательно проверить груз. Вдруг там что-нибудь неположенное...

Я пожевала губами в задумчивости, пришла к выводу, что сейчас не лучшее время настаивать на своем, и запустила банковское приложение на Гизмо, чтобы оплатить груз. Наши гаджеты сами связались между собой, провели идентификацию и что там они еще

делают, чтобы перевести деньги.

Накоши глянул на свой Гизмо, убедился, что деньги пришли, кивнул и поставил печать на коробку:

— А что вообще в посылке?

— Да так, разная порнуха. С вашей мамашей в главной роли.

Он только фыркнул и вновь принялся проверять грузы.

Вот таким образом контрабанда и проникает на территорию Артемиды. Ничего сложного. Все, что нужно, — это продажный чиновник, которого знаешь с детства. Вот доставить контрабандный груз до Артемиды... это уже совсем другая история, к которой я еще вернусь.

Я могла бы прихватить еще несколько посылок для доставки в город, но этот груз заслуживал особого внимания. Я прошла к своему карту и запрыгнула на водительское сиденье. Строго говоря, карт мне был не особенно нужен, да и Артемида не приспособлена для транспортных средств, но с картом я передвигалась быстрее и могла развезти больше заказов. С ним чертовски трудно управляться, но зато он незаменим при доставке тяжелых грузов. Я решила, что карт у меня — мальчик и прозвала его «Триггером».

Я плачу помесечную аренду в Порту за парковку для «Триггера». А куда мне еще его деть? Дома у меня меньше места, чем у какого-нибудь заключенного в тюрьме на Земле.

Я запустила карт — мы обходимся без ключей зажигания или тому подобных устройств. Есть просто кнопка включения. Зачем кому-то угонять карт? Куда его потом девать? Продать? Артемида маленький город, и воровство с рук не сойдет. Здесь не воруют. Точнее, иногда кто-то может стянуть что-нибудь из магазина. Но электрокарт никому не нужен.

Я включила двигатель и выехала с территории Порта.

В роскошных коридорах сферы Шепарда ничто не напоминало мой задрипанный район, и здесь приходилось быть поосторожнее. Коридоры были обшиты деревянными панелями, полы покрыты шумопоглощающими коврами приятной для глаз расцветки. Висящие через каждые двадцать метров люстры давали яркий свет. Люстры, по крайней мере, не стоят на Луне бешеных денег. Здесь полно кремния, так что стекло у нас местного производства. Но все равно, роскошь в Шепарде просто била в глаза.

Если вам кажется, что слетать на Луну в отпуск — это дорогое удовольствие, вам лучше даже не спрашивать, во сколько обходится жизнь в сфере Шепарда. Олдрин состоит из дорогущих отелей и курортов, но состоятельные артемидяне живут именно в Шепарде.

Я направлялась к поместью Тронда Ландвика, одного из богатейших местных воротил. Он сделал состояние в норвежской телекоммуникационной индустрии. Его дом занимал приличный кусок территории на нулевом этаже Шепарда — дом у него был до идиотизма огромный, учитывая, что жили там только три человека: он сам, его дочь и горничная. Но в конце концов, это его деньги и если ему хочется завести себе громадный дом на Луне, кто я такая, чтобы судить его за это? Мое дело было доставлять ему по первому требованию всякие нелегальные грузы.

Я припарковалась у входа (у одного из входов) и позвонила в звонок. Дверь открылась, и на пороге появилась массивная русская горничная. Ирина служила у Ландвиков с незапамятных времен.

Она молча уставилась на меня. Я так же молча смотрела на нее.

Наконец я не выдержала:

— Доставка.

Мы с Ириной уже тыщу раз сталкивались по делам, и каждый раз она вынуждала меня объявлять о цели моего прихода.

Ирина фыркнула, повернулась и направилась в глубь дома. Это означало, что я могу войти.

Я корчила издевательские рожи у нее за спиной все время, пока мы шли через фойе. Она молча показала мне на один из коридоров и так же молча удалилась в другую сторону.

— Всегда рада встрече, Ирина! — крикнула я ей вслед.

Пройдя через арку, я обнаружила Тронда возлежащим на диване в спортивном костюме и халате. Он болтал с каким-то азиатом, которого я раньше не видела.

— В любом случае, потенциальные доходы... — тут он заметил меня и расплылся в радостной улыбке. — Джаз! Рад тебя видеть, как всегда!

Перед гостем Тронда стояла открытая коробка, которую он закрыл при моем появлении, вежливо мне улыбнувшись. Само собой, мне тут же стало интересно, что там, хотя в другое время я даже внимания на нее не обратила бы.

— Я тоже рада вас видеть, — ответила я, ставя коробку с контрабандой на диван.

Тронд указал на своего собеседника:

— Это Чжин Чу из Гонконга. Чжин, это Джаз Башара, она местная, выросла здесь, на Луне.

Чжин быстро поклонился и заговорил с американским акцентом:

— Приятно с вами познакомиться, Джаз.

Я этого не ожидала и не смогла скрыть своего удивления.

Тронд рассмеялся:

— Чжин — выпускник превосходных частных американских школ. Гонконг, дружище, место просто волшебное.

— Но не такое волшебное, как Артемида, — широко улыбнулся Чжин. — Это моя первая поездка на Луну, и я чувствую себя, как малыш в магазине сладостей. Я всегда любил научную фантастику и вечно смотрел «Звездный Путь»^[8]. А сейчас я как будто туда попал!

— «Звездный Путь»? — удивился Тронд. — Ты серьезно? Да этому шоу уже лет сто.

— Качество не стареет, — ответил Чжин. — Возраст делу не помеха. Ты слышал, чтобы кто-нибудь возникал по поводу любителей Шекспира?

— Тут ты прав. Но у нас здесь не водятся сексапильные инопланетяночки, так что стать капитаном Кирком^[9] не получится.

Чжин Чу наставительно поднял палец:

— На самом деле, в классической части шоу Кирк переспал только с тремя инопланетянками. К тому же, в эпизоде с Элеан Тройанской секс подразумевался, но открыто так ничего и не было сказано. Так что в результате получаются только две инопланетянки.

Тронд почтительно склонил голову:

— Я никогда более не позволю себе усомниться в твоих глубочайших познаниях во всем, что касается «Звездного Пути». А ты собираешься посетить места посадки «Аполлона-11», пока ты на Луне?

— Непременно, — заявил Чжин. — Я слышал, тут есть экскурсии с гидами РБП. Как ты думаешь, стоит мне воспользоваться услугами гида?

Я решила внести свою лепту:

— Не-а, не стоит. Вся площадка обнесена забором, дальше которого не пройти. Из

специального обозревательного отсека в Центре туризма видно ничуть не хуже.

— Понятно. В таком случае, действительно не стоит.

Удавись, Дейл.

— Кто-нибудь хочет чаю или кофе? — предложил Тронд.

— Да, с удовольствием, — откликнулся Чжин. — Мне черный кофе, пожалуйста.

Я плюхнулась в ближайшее кресло:

— А мне черный чай.

Тронд одним прыжком перескочил через спинку дивана (звучит куда эффектнее, чем на самом деле — не забывайте про местную силу тяжести), скользнул к боковому столику и поднял плетеную корзинку:

— Мне только что прислали отличный турецкий кофе. Тебе понравится.

Он глянул в мою сторону:

— Джаз, может, тоже попробуешь, вдруг понравится?

— Кофе — просто испорченный чай, — ответила я. — Черный чай — это единственный стоящий напиток на свете.

— Вы, саудиты, жить без чая не можете, — сказал Тронд.

Это правда, формально я гражданка Саудовской Аравии, но я не была там с тех пор, как мне исполнилось шесть лет. Я унаследовала от отца некоторые привычки и жизненные установки, но сейчас я никак не смогла бы вписаться в земную жизнь. Я артемиданка.

Тронд принялся готовить напитки:

— Вы там поболтайте пока между собой. Через пару минут будет готово.

Почему бы не попросить Ирину приготовить чай и кофе? Не знаю. Честное слово, я вообще не понимаю, зачем она нужна в этом доме.

Чжин оперся рукой на загадочную закрытую коробку:

— Я слышал, что Артемида популярное место для романтических поездок. Много здесь бывает молодоженов?

— Не особенно, — ответила я. — Большинство не может себе этого позволить. Но здесь бывают парочки постарше, которым хочется разнообразить свою сексуальную жизнь.

Он озадаченно посмотрел на меня.

— Гравитация, — пояснила я. — При одной шестой земной силы тяжести ощущения от секса совершенно другие. Для давно женатых пар это просто подарок — они заново открывают для себя секс. Все как в первый раз.

— Об этом я не подумал, — сказал Чжин.

— Если хотите узнать побольше, в Олдрине полно проституток.

— О! Хмм, наверное, все же нет. Это не в моем стиле. — Он явно не ожидал, что женщина порекомендует ему обратиться к шлюхам. Земляне вообще куда более зажатые в этом смысле, и я никогда не понимала — почему. Это просто еще одна платная услуга, что в этом такого особенного?

Я пожала плечами:

— Если передумаете, имейте в виду, что нормальная средняя цена — около двух тысяч г.

— Я не передумую, — Чжин нервно рассмеялся и сменил тему разговора. — А почему деньги в Артемиде называют «жетонами»?

Я закинула ноги на кофейный столик:

— Потому, что специальными жетонами раньше расплачивались за доставку груза с Земли. Один грамм груза, доставленный Кенийской Космической Компанией, — один г, то

есть «ж».

— Строго говоря, это не валюта, — добавил Тронд. — Поскольку мы не страна, мы не можем иметь собственную валюту. «Жетоны», в сущности, — это специальная сервисная кредитная линия, предоставляемая ККК. Клиент платит долларами, иенами, евро и в любой другой валюте, а в обмен получает соответствующий кредит на транспортировку определенной массы в Артемиду. Совершенно не обязательно использовать весь кредит сразу, так что ККК отслеживает клиентский баланс.

Он поставил поднос с чашками на кофейный столик:

— В результате оказалось, что как единица оплаты g отлично годится для торговли, и ККК взяла на себя функции банка. На Земле бы такое не прошло, но здесь не Земля.

Чжин потянулся за кофе, и я воспользовалась случаем поближе рассмотреть загадочную коробку. На абсолютно белом боку коробки черными буквами был нанесен текст: «Образец ЗАФО — только для авторизованного персонала».

— Получается, что диван, на котором я сижу, тоже доставлен с Земли? — спросил Чжин. — Во сколько же обошлось привезти его сюда?

— Он весит около 43 килограммов, — ответил Тронд. — Соответственно, за доставку пришлось заплатить 43 000 жетонов.

— А сколько здесь в среднем получает работник? Если это не бестактный вопрос, конечно.

Я обхватила чашку обеими руками, грея об нее ладони:

— В качестве курьера я получаю двенадцать тысяч в месяц. Это низкооплачиваемая работа.

Чжин сделал глоток кофе и недовольно сморщился. Я уже замечала, что землянам страшно не нравится наш кофе. Против законов физики не попрешь — вкус у него дерьмовый.

Земная атмосфера на 20 % состоит из кислорода. Остальное — газы, которые человеческому организму не нужны, как аргон или водород. А в Артемиде воздух состоит из чистого кислорода, находящегося при одной шестой земной силы тяжести. Это позволяет поддерживать нужный уровень кислорода без лишнего давления на купола. Концепция не новая — эту идею применяли еще во времена посадки «Аполлонов»^[10]. Проблема только в том, что чем ниже атмосферное давление, тем ниже точка кипения воды. Вода на Луне закипает при 61 градусе Цельсия, так что кофе или чай просто не может быть горячее этого. Людям, привыкшим к очень горячему кофе, лунный кажется холодным и противным.

Чжин вежливо поставил чашку на стол. Я знала, больше он к ней не притронется.

— А что привело вас в Артемиду? — поинтересовалась я.

Чжин побарабанил пальцами по белой коробке:

— Мы уже несколько месяцев работаем над одной сделкой. В настоящий момент мы близки к завершению переговоров, и я хотел встретиться с господином Ландвиком лично.

Тронд уселся на диван и взял в руки коробку с контрабандой:

— Я же говорил, зови меня просто Тронд.

— Хорошо, Тронд, — согласился Чжин.

Тронд сорвал обертку с посылки и вытащил шкатулку темного дерева. Он поднял ее к свету и принялся рассматривать под разными углами. Я не слишком большой эстет, но даже мне было понятно, насколько красива эта вещь. Замысловатая резьба покрывала все грани, а снизу виднелась изящная табличка с текстом на испанском языке.

— Что это такое? — заинтересовался Чжин.

Тронд расплылся в счастливой улыбке и открыл шкатулку: внутри были аккуратно уложены двадцать четыре сигары, каждая в отдельной бумажной обертке.

— Доминиканские сигары. Обычно считается, что лучшие сигары — кубинские, но это не так. Куда им до Доминиканы!

Я доставляла ему контрабандную коробку сигар каждый месяц. Люблю постоянных клиентов.

Тронд указал на дверь:

— Джаз, тебе не сложно будет прикрыть дверь?

Я подошла к двери, где строго функциональный шлюзовой люк скрывался за изящными деревянными панелями. Я закрыла люк и повернула запирающее колесо. Шлюзовые люки — самое обычное дело в частных домах. Если купол по какой-то причине лишится атмосферы, это позволяет герметично закрыть дверь в доме и спастись. Некоторые особо пугливые вообще запирают шлюзовой люк в спальне на ночь. По мне, так это пустая трата денег. За всю историю Артемиды не было ни одной утечки воздуха из купола.

— В этой комнате установлена специальная фильтрационная система, — пояснил Тронд, — так что дым отсюда не выходит.

Он развернул сигару, откусил кончик и выплюнул его в пепельницу. Потом он зажал сигару зубами, поднес к ней золотую зажигалку и выпустил несколько облачков дыма:

— Отличные штуки... просто отличные.

Он протянул коробку Чжиню, который сделал вежливый жест отказа. Потом Тронд предложил сигару мне.

— С удовольствием. — Я схватила сигару и сунула в нагрудный карман. — Выкурю после обеда.

Это я наврала, конечно. Но с чего бы мне отказываться от дармовой сигары? Жетонов сто я за нее наверняка выручу.

Чжин слегка нахмурился:

— Я думал, что сигары запрещено провозить?

— Идиотский запрет, — ответил Тронд. — У меня есть специальная закрытая комната, и мой дым никого не беспокоит. По-моему, это просто несправедливо!

— Не говори чушь, — я повернулась к Чжину. — Дело в открытом огне. Пожар на территории Артемиды был бы полным кошмаром. Мы же не можем убежать из города наружу. Здесь запрещено использовать любые горючие материалы, если для этого нет серьезной причины. Так что последнее, что нам нужно, это толпа идиотов, бродящая по окрестностям с зажигалками в кармане.

— М-да... согласен, — Тронд вертел зажигалку в руках. Я протащила эту зажигалку через таможню несколько лет назад. Каждый несколько месяцев ему нужен был бутан для подзарядки. А мне капали денежки.

Я отпила глоток теплого чаю и вытатила свой Гизмо:

— Тронд?

— Ах да, конечно. — Он достал свой гаджет и поднес его к моему. — Цена та же, 4000 g?

— Ага, но я должна честно предупредить: в следующий раз будет уже 4500. В последнее время все дорожает.

— Это не проблема, — ответил Тронд. Я подождала, пока он переводил деньги. Наконец

мой экран выдал подтверждение перевода, я подтвердила со своей стороны и все было закончено.

— Все в порядке. — Я повернулась к Чжину. — Очень приятно было с вами познакомиться, господин Чу. Желаю вам приятно провести время на Луне.

— Спасибо, непременно!

— Всего хорошего, Джаз! — улыбнулся Тронд.

Я оставила этих двоих обсуждать свои дела. Не знаю, о чем конкретно шла речь, но это явно было что-то не вполне законное. Тронд обдeldывает кучу всяких сомнительных делишек — собственно, этим он мне и нравится. Если уж он решил пригласить этого парня на Луну, речь явно шла о чем-то большем, чем просто обычная сделка.

Я повернула за угол и направилась к выходу через фойе. Ирина неприязненно глянула на меня, а я в ответ насмешливо сморщила нос. Она молча закрыла за мной дверь, даже не попрощавшись.

Я собиралась запрыгнуть в карт, когда мой Гизмо неожиданно запищал. Пришел курьерский заказ, а поскольку я находилась ближе всех, а также по старшинству, система предложила мне его в первую очередь.

ЗАБРАТЬ ГРУЗ ПО АДРЕСУ: AG-5250. МАССА: 100 КГ. АДРЕС ДОСТАВКИ: НЕ УКАЗАНО. ОПЛАТА: 452 G.

Ух ты, целых 452 жетона! Чуть больше, чем одна десятая того, что я сейчас получила за доставленную коробку сигар.

Я подтвердила, что беру заказ. Надо же как-то зарабатывать деньги.

«Дорогой Кельвин Отиено!

Привет! Меня зовут Джазмин Башара. Но все обычно называют меня Джаз. Мне 9 лет. Я живу в городе Артемида.

Мою учительницу зовут миссис Теллер. Она хорошая учительница, хоть и отобрала у меня Гизмо, когда я играла на уроке. Она задала нам на дом написать имейл кому-нибудь из ребят, которые живут в комплексе ККК в Кении. Она дала мне твой адрес. Ты говоришь по-английски? А я еще и по-арабски говорить умею. А на каком языке говорят в Кении?

Мне нравятся американские сериалы и имбирное мороженое. Но обычно я ем «месиво». Мне хотелось бы собаку, но мы не можем себе это позволить. Я слышала, что на Земле даже у бедных есть собаки. Это правда? А у тебя есть собака? Если есть, пожалуйста, расскажи мне о ней.

А в Кении есть король?

Мой папа работает сварщиком. А твой папа что делает?»

«Дорогая Джаз Башара,

Привет. Меня зовут Кельвин, и мне 9 лет. Я живу с мамой и папой. Еще у меня три сестры. Они противные и две старшие меня часто задирают. Но я вырасту и когда-нибудь побью их. Это я пошутил, мальчики не должны бить девочек.

Кенийцы говорят на английском и на суахили. Короля у нас нет, но у нас есть президент, Национальная Ассамблея и Сенат. Взрослые за них голосуют, и они делают законы.

У нас нет собаки, но есть две кошки. Одна из них приходит только поесть, но вторая очень ласковая и постоянно спит на диване.

Мой папа работает офицером безопасности в ККК.

Он стоит на воротах № 14 и пропускает внутрь только тех людей, которым положено. Мы живем в доме компании на территории комплекса. Моя школа тоже находится здесь. Дети сотрудников компании получают бесплатное образование. ККК очень щедрая компания, и мы все очень ей благодарны.

Моя мама домохозяйка. Она ухаживает за всеми нами. Она хорошая мама.

Из еды я больше всего люблю хот-доги. А что такое «месиво»? Я никогда об этом не слышал.

Мне тоже нравятся американские сериалы, особенно мыльные оперы. Там все такое интересное, хотя мама не разрешает мне их смотреть. Но у нас хороший Интернет, так что мне удастся посмотреть, когда она не обращает внимания. Пожалуйста, только не говори ей. А что твоя мама делает?

Кем ты хочешь стать, когда вырастешь? Я хочу строить ракеты. Сейчас я делаю модели ракет. Я только что закончил модель 209-В компании ККК. Она очень красивая. Я хочу когда-нибудь делать настоящие ракеты. Другие ребята хотят быть пилотами космических кораблей, но мне это не хочется.

Ты белого цвета? Я слышал, что в Артемиде все белые. Здесь в Комплексе тоже много белых людей. Они приезжают со всего мира, чтобы работать здесь».

«Дорогой Кельвин,

Как жаль, что у тебя нет собаки. Я надеюсь, когда-нибудь ты на самом деле будешь делать ракеты. Настоящие, а не макеты.

«Месиво» — это еда для бедных. Это сушеные водоросли со всякими добавками. Их выращивают здесь в городе в чанах потому, что еда с Земли очень дорогая. «Месиво» очень противная штука. Вкусовые добавки туда кладут, чтобы оно было приятнее на вкус, но от них только противнее — просто по-другому. Мне приходится есть это каждый день. Я ненавижу эту еду.

Я не белая. Я из арабской семьи, так что я скорее светло-коричневая. Только половина людей в Артемиде белые. Моя мама живет где-то на Земле. Она уехала, когда я была совсем маленькая, и я ее не помню.

Мыльные оперы — отстой. Но если они тебе нравятся, это ничего. Мы все равно можем дружить.

А у вашего дома есть двор? Ты можешь выйти на улицу в любое время, если захочешь? Мне нельзя выходить наружу, пока мне не исполнится 16 лет, потому что такие правила установлены Гильдией РБП. Когда-нибудь я получу лицензию РБП и смогу выходить наружу сколько угодно и никто не сможет мне запретить.

Строить ракеты — крутая работа. Надеюсь, тебе удастся это сделать.

А я не хочу работать. Я хочу быть богатой, когда вырасту».

Глава вторая

Армстронг — паршивый район. Как не стыдно было назвать такую поганую часть города именем такого потрясающего человека.

Я осторожно вела «Триггер» по узким старым коридорам и чувствовала, как стены дрожат от скрежета и гула огромных механизмов. Индустриальные цеха находились на пятнадцать уровней ниже, но звук передавался даже сюда. Я подъехала ко входу в Центр жизнеобеспечения и припарковала карт у массивной двери.

Центр жизнеобеспечения — одно из немногих мест в городе, где строго соблюдаются инструкции по доступу на объект. Не пускать же туда каждого встречного. Авторизованный персонал может пройти, приложив свой Гизмо к специальной панели на двери, но меня, разумеется, в этом списке не было. Так что пришлось ждать у двери.

В заказе было указано «около ста килограммов». Мне это не сложно, я могу поднять в два раза больше без особых усилий. Сколько девушек на Земле могут сказать про себя такое? Ах да, конечно, у них там сила тяжести в шесть раз больше, но это уже их проблема.

Кроме массы груза, больше никаких сведений не было: ни что в посылке, ни адреса доставки. Придется уточнить у клиента.

Система жизнеобеспечения Артемиды уникальна во всей истории космических путешествий. Здесь не перерабатывают углекислый газ обратно в кислород. У них есть для этого оборудование и аккумуляторы, запаса энергии которых при необходимости хватит на месяцы. Но зачем, если имеется куда более дешевый и практически неисчерпаемый источник кислорода: алюминиевая промышленность.

Алюминиевый завод «Санчез», который находится рядом с городом, производит кислород при выплавке алюминия. Собственно, процесс плавки в этом и состоит: нужно удалить кислород, чтобы получить чистый металл. Мало кто знает, но на Луне до фига кислорода, просто, чтобы добыть его, нужна чертова уйма энергии. Плавильни «Санчез» производят кислород как побочный продукт, причем столько, что хватает и на создание ракетного топлива, и на снабжение города воздухом, и еще остается, так что приходится выпускать излишки на поверхность.

В результате у нас кислорода столько, что мы не знаем, что с ним делать. Отдел жизнеобеспечения регулирует поступление кислорода в город, следит, чтобы не было опасных примесей, и отделяет углекислый газ от использованного воздуха. Они также следят за температурой, давлением и прочим в том же роде. Углекислый газ они продают на фермы, производящие «месиво», он нужен для выращивания водорослей, которые потом едят бедняки. Все всегда упирается в экономику, что, разве я не права?

— Привет, Башара, — послышался сзади знакомый голос.

Вот черт.

Я нацепила фальшивую улыбочку и обернулась:

— Руди! А мне и не сказали, что заказ от тебя. Если бы я знала, я бы не приехала!

Врать не буду: Руди Дюбуа исключительно хорош собой. Двухметровый блондин, таких, наверное, Гитлер видел в сладких снах. Десять лет назад Руди уволился из Королевской конной полиции Канады, чтобы стать начальником службы безопасности Артемиды, но он по-прежнему носит полицейскую форму. Которая смотрится на нем очень хорошо. Просто шикарно смотрится. Не то чтобы он мне нравился... но сами понимаете... если бы выдался

удачный момент и без последствий...

На территории Артемиды Руди представляет закон. Понятно, каждому обществу нужны законы и кто-то, кто обеспечивает их выполнение. Но Руди имеет тенденцию перебарщивать с этим.

— Не пугайся так, — Руди вытащил свой Гизмо. — У меня нет доказательств, что ты занимаешься контрабандой. Пока нет.

— Контрабандой? Я? Обалдеть, какие странные идеи приходят вам в голову, мистер Как-Надо.

Этот Руди просто заноза в заднице. Он ко мне прицепился еще со времен одного неприятного случая, когда мне было семнадцать. К счастью, у него нет права выслать кого-либо из города. Только у Главного Администратора Артемиды есть такие полномочия, а она этого не сделает, если Руди не предоставит убедительные доказательства. Кое-какие элементы системы сдержек и противовесов у нас здесь существуют, хоть их и немного.

Я оглянулась вокруг:

— А где груз?

Руди провел своим Гизмо над считывателем, и огнестойкая дверь откатилась в сторону. Его Гизмо вроде волшебной палочки, открывает практически любые двери в Артемиде.

— Иди за мной.

Мы вошли в производственный цех. Технический персонал работал с различным оборудованием, а у одной стены инженеры следили за показаниями на огромном табло.

Кроме меня и Руди, в помещении были одни вьетнамцы. В Артемиде все потихоньку складывается само собой: несколько знакомых эмигрируют, приезжают сюда, открывают какой-нибудь сервисный бизнес, нанимают своих друзей и знакомых. Которые, в свою очередь, нанимают своих знакомых. История старая, как мир.

Рабочие не обращали на нас никакого внимания, пока мы шли по лабиринту механизмов и труб под высоким давлением. Мистер Доань следил за нами из своего рабочего кресла в центре под табло. Они с Руди переглянулись, и Доань медленно кивнул.

Руди подошел к рабочему, чистившему кислородный баллон, и постучал его по плечу:

— Фам Бин?

Бин обернулся и утвердительно хмыкнул. Лицо у него было обветренное и хмурое.

— Мистер Бин, сегодня утром ваша жена Там была у доктора Рассел.

— Ну да, — ответил тот. — Она такая неловкая.

Руди повернул к нему экран своего Гизмо. Лицо женщины на экране было покрыто синяками.

— По словам доктора, у нее подбит глаз, гематома от удара на щеке, синяки на двух ребрах и сотрясение мозга.

— Я же говорю, неловкая она.

Руди передал мне свой Гизмо и врезал Бину кулаком прямо в лицо.

Во времена моей хулиганской юности мне пару раз приходилось сталкиваться с Руди. Я знала, что сукин сын очень силен, хотя он ни разу не ударил меня и никогда не вел себя грубо. Но я помню, как однажды он легко удерживал меня одной рукой, другой продолжая печатать что-то на своем Гизмо. Я выворачивалась изо всех сил, но меня словно зажали в стальных тисках. Иногда по ночам я вспоминаю этот момент.

Бин свалился как подкошенный. Он попытался было встать на колени, но руки и ноги его не слушались. Если ты не можешь подняться с пола при *лунном* тяготении, плохи у тебя

дела.

Руди опустился на колени, взял Бина за волосы и приподнял его голову:

— Ну-ка поглядим... ага, синяк на щеке получился неплохо. Перейдем к подбитому глазу...

Он коротко двинул лежащему в глаз и дал голове упасть на пол.

Бин улиткой свернулся на полу и промычал «не надо...».

Руди встал, забрал у меня Гизмо и повернул экран так, чтобы нам обоим было видно:

— Там еще отбитые ребра, не так ли? Вроде четвертое и пятое с левой стороны?

— Похоже, что так, — подтвердила я.

Руди пнул рабочего в бок. Тот попытался было вскрикнуть, но не смог выдать ни звука.

— Что касается сотрясения мозга, будем считать, что он его уже получил от одного из ударов в голову, — заметил Руди. — Не хотелось бы переборщить.

Остальные рабочие молча наблюдали за происходящим, некоторые улыбались. На лице Доаня, не двинувшегося из своего кресла, застыло еле заметное выражение одобрения.

— С сегодняшнего дня все так и будет, Бин, — сказал Руди. — Все, что случится с твоей женой, случится и с тобой. Понятно?

Бин что-то невнятно просипел.

— Понятно?! — Руди повысил голос.

Бин нервно кивнул.

— Вот и хорошо, — Руди улыбнулся и повернулся ко мне. — Это и есть твой груз, Джаз. Примерно сто килограммов, доставить доктору Рассел. Запиши на счет Службы Безопасности.

— Будет сделано, — ответила я.

Вот такое у нас здесь правосудие. У нас нет штрафов и тюрем. Тех, кто совершил серьезное преступление, высылают на Землю. Для всего остального у нас есть Руди.

Покончив с этой «спецдоставкой», я развезла еще несколько обычных грузов. В основном посылки из Порта по домашним адресам, но мне также удалось ухватить контракт на перевозку коробок из дома в Порт. Я люблю людей, которые куда-то переезжают — обычно они дают хорошие чаевые. Сегодня переезд был довольно скромных масштабов, просто молодая семья перебиралась обратно на Землю.

Переезжали они из-за беременности женщины. Выносить ребенка при лунной гравитации невозможно — это ведет ко всевозможным врожденным дефектам. Да и в любом случае, маленькому ребенку не место на Луне, костно-мышечная система здесь не развивается, как положено. Когда меня привезли сюда, мне было шесть лет — в те годы это был нижний возрастной порог для переселения на Луну. С тех пор его повысили до двенадцати. Интересно, мне стоит беспокоиться по этому поводу или нет?

Я как раз направлялась за следующим заказом, когда мой Гизмо внезапно заверещал. Но это было не сообщение и не телефонный звонок, а самая настоящая сирена — сигнал тревоги. Я вытащила Гизмо из кармана.

ПОЖАР ПО АДРЕСУ CU12-3270 — ОБЪЕКТ БЛОКИРОВАН. ВСЕМ НАХОДЯЩИМСЯ ПОБЛИЗОСТИ ВОЛОНТЕРАМ НЕМЕДЛЕННО ПРИБЫТЬ НА МЕСТО.

— Вот дерьмо, — пробормотала я.

Я включила «Триггер» и дала задний ход, чтобы добраться до свободного пятачка, где я

могла бы развернуться. Повернув карт в нужном направлении, я помчалась к съезду с этого уровня.

— Джаз Башара, еду по тревоге, — произнесла я в Гизмо. — В настоящий момент нахожусь на уровне Верхний Конрад 4.

Отвечающий за вопросы безопасности компьютер отметил мое сообщение и прислал карту Конрада. На карте множество маленьких точек, одной из которых была я, быстро двигались по направлению к CU12-3270.

В Артемиде нет пожарной службы. Эту работу исполняют волонтеры. Но огонь и дым настолько опасны в наших условиях, что волонтеры обязаны знать, как правильно использовать дыхательные баллоны. Поэтому все тренеры и обучающиеся РБП автоматически становятся волонтерами. Есть в этом некая ирония.

Пожар случился на уровне Верхний Конрад 12 — восемью этажами выше.

Я на полной скорости влетела на пандус, ведущий на верхний этаж, и понеслась по коридорам к третьему кольцу. Место, которое мне нужно было найти, находилось примерно на 270 градусах от северного направления. Долго искать не пришлось — толпа специалистов РБП уже прибыла по указанному адресу, где над дверью мигал красный сигнал опасности. Табличка на двери гласила «Квинслендская фабрика по производству стекла».

Боб уже был на месте и быстро кивнул мне вместо приветствия. Как старший член гильдии из присутствующих, именно он отвечал за ликвидацию пожара.

— Слушайте внимательно! — обратился Боб к собравшимся волонтерам. — На фабрике начался серьезный пожар, весь имеющийся в помещении кислород выгорел. Внутри четырнадцать человек, им всем удалось вовремя укрыться в убежище. Никто не пострадал, воздушное убежище работает как положено.

Боб встал перед дверью:

— Обычно мы дали бы помещению остыть, перед тем, как войти туда, но в данном случае мы не можем этого сделать. Процесс производства стекла включает реакцию кремния с кислородом, поэтому в помещении находятся баки со сжатым кислородом^[11]. Если они взорвутся, стены помещения удержат взрыв внутри, но у людей в убежище не будет ни единого шанса. Если мы откроем дверь, в помещение проникнет кислород и все тут же рванет.

Боб отогнал всех от двери, чтобы расчистить площадку прямо перед входом:

— Нужна вакуумная палатка, полностью перекрывающая доступ воздуха к двери. Внутри палатки нужно установить надувной гофрированный тоннель для прохода. Нам понадобится четыре человека для спасательных работ.

Хорошо обученная пожарная бригада немедленно приступила к монтажу палатки. Сперва они поставили кубический каркас из полых трубок, потом приклеили пластик к стене вокруг двери, натянули его на каркас и наглухо заклеили, оставив только заднюю сторону открытой для прохода.

Потом они протянули в палатку гофрированный тоннель, что было совсем не просто сделать — в отличие от самодельной палатки, надувные тоннели-переходники изготавливаются так, чтобы выдерживать высокое давление. Они сделаны из тяжелого толстого пластика и предназначены для эвакуации людей в условиях абсолютного вакуума. В данной ситуации это было, пожалуй, чересчур, но другим оборудованием мы не располагали.

Палатка была не очень большая и переходник занял почти все место внутри. Поэтому Боб выбрал самых низкорослых из волонтеров:

— Сара, Джаз, Арун и Марси, одевайтесь.

Мы четверо вышли вперед. Остальные помогли нам нацепить баллоны с воздухом на спину, надеть противогазы и очки. Мы все по очереди проверили снаряжение и подняли большие пальцы — все нормально.

В маленькой палатке было тесно. Боб принес и поставил у входа металлический баллон:

— Воздушное убежище находится у западной стены. Внутри четырнадцать человек.

— Четырнадцать человек, понятно, — подтвердила Сара. Сара — лицензированный мастер РБП, и у нее больше всего практического опыта, так что она была назначена руководителем нашей группы. Остальные волонтеры заклеили створки палатки, оставив только маленькое отверстие в одном углу.

Сара повернула вентиль на баллоне, и углекислый газ начал облаком заполнять палатку. Избавляться от кислорода — занятие нудное и непростое, но нам и не нужно было вытеснить из палатки весь кислород до единого атома, просто уменьшить процентное содержание до минимума. Через минуту Сара завернула вентиль, и волонтеры, оставшиеся снаружи, заклеили последний угол палатки.

Сара потрогала дверь:

— Горячая.

Нам предстояло открыть дверь в помещение, которое каждую минуту могло взорваться. От кислорода в атмосфере мы избавились, но ситуация все равно была нервная.

Сара набрала код доступа пожарной команды на панели, вмонтированной в дверь. Да, в подобных случаях нужен специальный код. При сигнале пожарной тревоги все двери и вентиляционные отверстия автоматически запираются наглухо. Люди внутри не могут покинуть помещение, им нужно укрыться в специальном воздушном убежище — или они погибнут. Подобный подход может показаться жестоким, но на самом деле это не так. Пожар, распространяющийся по городу, — это куда страшнее, чем смерть нескольких человек в закрытом помещении. В Артемиде с пожарной безопасностью не шутят.

Сара набрала код, дверь открылась, и жар хлынул в палатку. Я вся покрылась потом.

— Господи, — сказал Арун.

Помещение фабрики было заполнено дымом, раскаленные углы стен еще светились красным. При попадании кислорода в помещение все вспыхнуло бы заново. У дальней стены смутно виднелись очертания большого воздушного убежища.

Сара не теряла времени:

— Джаз, мы с тобой впереди. Арун и Марси, вы оставайтесь здесь и придерживайте задник переходника.

Мы с Сарой взяли за передние края переходного тоннеля, Арун и Марси подняли его сзади.

Сара двинулась вперед, я старалась держаться вровень с ней. Гофрированная труба переходника начала вытягиваться позади нас, но Арун и Марси удерживали задний край на месте.

Я не спец по выплавке стекла, но знаю, что процесс включает в себя реакцию кремния с кислородом, в результате которой выделяется большое количество тепла. Поэтому для этого производства необходимо огнеупорное помещение. Почему мы не используем песок, как на Земле? Потому что на Луне нет песка. Точнее, его очень мало, совершенно недостаточно для промышленных нужд. Но благодаря производству алюминия, у нас полно кремния и кислорода, и мы можем производить сколько угодно стекла. Вот только процесс куда

сложнее, чем на Земле.

Камера сгорания, где происходит основная реакция, находилась прямо перед нами, и чтобы добраться до людей в убежище, нам нужно было протащить трубу переходника прямо рядом с ней.

— Стенки наверняка еще раскаленные, — сказала я Саре.

Она кивнула, и мы обошли камеру по широкой дуге. Нам совсем не хотелось проплавить дыру в трубе переходника.

Наконец мы добрались до круглого люка, ведущего в убежище и я постучала в маленькое круглое окно. В окошке появилось покрытое гарью лицо мужчины со слезящимися глазами. Скорее всего, это был бригадир смены, который зашел в убежище последним. Он поднял большой палец вверх, показывая, что все в порядке, я ответила тем же.

Мы с Сарой зашли внутрь трубы-переходника и закрепили кольцевой переходник вокруг шлюзовой двери. Это как раз несложно, труба-переходник сделана специально в расчете на подобные ситуации. Арун и Марси, по-прежнему находившиеся в палатке, в свою очередь приложили дальний конец трубы к пластику и закрепили его на месте. Мы создали тоннель — выход для рабочих, находившихся в убежище, но на данную минуту он еще был заполнен непригодным для дыхания воздухом из сгоревшего помещения.

— Готовы к продувке? — крикнула Сара.

— Все готово! — отозвался Арун.

Находящиеся снаружи волонтеры прорезали в палатке отверстие, и дым из переходника устремился в коридор, но у команды уже были наготове вентиляторы и фильтры, чтобы не дать ядовитому воздуху распространиться дальше.

— Палатка открыта! Продувайте! — закричал нам Арун.

Мы с Сарой взглянули друг на друга, чтобы убедиться, что все готово, и одновременно открыли вентили на своих кислородных баллонах. Вырывающийся из баллонов газ погнал остатки дыма по тоннелю и в коридор. Вскоре тоннель наполнился пригодной для дыхания атмосферой. А на уровне Верхний Конрад 12 еще много дней будет пахнуть гарью.

Мы попробовали вдохнуть и обе закашлялись, но все было не так уж плохо. Достаточно и того, что воздух уже не был токсичен. Убедившись, что воздух пригоден для дыхания и с рабочими ничего не случится, Сара повернула рукоять двери убежища.

Надо отдать им должное, рабочие покидали убежище по очереди, быстро и организованно. Мое уважение к Квинслендской фабрике возросло: они явно хорошо обучили своих сотрудников, как действовать при чрезвычайной ситуации.

— Первый, второй, третий. — Сара считала выходящих людей. Я, со своей стороны, тоже вела подсчет, чтобы никого не пропустить.

Когда Сара насчитала четырнадцать человек, я выкрикнула:

— Четырнадцать! Подтверждаю!

Сара заглянула в убежище:

— Людей нет!

— Людей нет! — откликнулась я.

Мы с Сарой направились к выходу из тоннеля вслед за тяжело дышащими, кашляющими рабочими.

— Отличная работа, — похвалил Боб. Остальные волонтеры надевали кислородные маски на пострадавших рабочих.

— Джаз, у нас трое пострадавших с ожогами второй степени, — сказал Боб. — Отвези

их к доку Рассел. Остальные, уберите палатку и переходник в помещение фабрики и закройте противопожарную дверь.

Второй раз за этот день мне на моем «Триггере» пришлось исполнять роль «Скорой помощи».

Кислородные баллоны так и не взорвались, но помещение Квинслендской фабрики выгорело дотла. Жаль — они-то как раз всегда относились к пожарной безопасности серьезно. За ними не числилось ни единого нарушения. Просто не повезло, это бывает. А теперь им придется отстраиваться заново.

Но их регулярные пожарные тренировки и отлично работающее убежище спасли много жизней. Фабрику можно построить заново, а вот людские жизни не вернешь. Так что они все равно остались в выигрыше.

Вечером я завернула в свою любимую пивнушку: паб Хартнелла.

Я уселась на привычное место — второе с конца бара. На первом раньше обычно сидел Дейл, но это все в прошлом.

«Хартнелл» — та еще дыра. Музыка нет, танцплощадки нет. Это просто барная стойка и несколько столов на кривых ножках. Единственной уступкой общественному мнению была шумопоглощающая пена на стенах. Билли отлично знал, что нужно посетителям его бара: выпивка и чтобы было спокойно. Сексом здесь и не пахло. В «Хартнелле» никто ни к кому не приставал. Те, кому хотелось найти партнера по-быстрому, направлялись в ночные клубы Олдрина. В «Хартнелл» ходили пить. Любой напиток по вашему выбору, ежели выберете пиво.

Я предпочитала «Хартнелл» по нескольким причинам. Билли был приятный бармен, а главное — от моей конуры идти недалеко.

— Привет, детка, — встретил меня Билли. — Я слышал, ты сегодня как следует поработала на пожаре.

— Да, горела Квинслендская стеклянная фабрика. Я маленькая, так что попала в спасательную бригаду. Фабрике конец, но мы всех спасли.

— Отлично, тогда первый за мой счет, — Билли налил мне моего любимого немецкого восстановленного [\[12\]](#) пива. Туристы жалуются, что вкус у него дерьмовый, но я никогда в жизни ничего другого не пила, так что мне нормально. Когда-нибудь придется купить себе банку настоящего немецкого пива, чтобы понять, чего же я лишена. Билли поставил передо мной бокал:

— Общество благодарит тебя за твою службу, детка.

— А что, я не откажусь. — Я схватила пиво и сделала большой глоток свежей холодной жидкости. — Спасибо!

Билли кивнул и пошел обслуживать другого посетителя в конце бара.

Я открыла сетевой браузер на Гизмо и задала поиск слова «ЗАФО». Гизмо предложил вариант с сокращенным испанским «zafar» — «отпускать». Но я что-то сомневалась, что мистер Чжин из Гонконга привез с собой что-то, названное по-испански. К тому же, заглавные буквы наводили на мысль, что это может быть аббревиатура. Но что она означает?

Что бы это ни было, я не нашла никаких упоминаний в Сети, что определенно означало какую-то тайну. Теперь мне всерьез захотелось выяснить, что же это была за коробка. Ну да, ну да, я страдаю от неумемного любопытства. Но в данный момент зацепок никаких не было, так что я мысленно отложила эту проблему на потом.

Есть у меня дурная привычка постоянно проверять свой банковский баланс, как будто чем чаще на него смотришь, тем быстрее он растет. Но очередной взгляд на экран только расстроил меня:

БАЛАНС: 11 916 g.

Всего-навсего около 2,5 % от заветной цифры 426 022 жетона. Это то, что я хотела. То, в чем я *нуждалась*. Важнее этих денег не было ничего на свете.

Если бы мне удалось, наконец, вступить в эту чертову Гильдию РБП, мои доходы прилично выросли бы. За экскурсии платят большие деньги. Восемь туристов, 1500 g с каждого — вот уже 12 000 за тур. Точнее, 10 800 после уплаты Гильдии полагающихся им 10 %.

В неделю можно провести две экскурсии, больше Гильдия не разрешает: их всерьез беспокоит уровень облучения, которому подвергаются их сотрудники на поверхности.

Я бы зарабатывала больше 85 000 жетонов в месяц только на экскурсиях. К тому же, я бы постаралась получить работу по обработке грузовых зондов. Это специалисты РБП, которые доставляют капсулы к Грузовому шлюзу и разгружают их. И тогда у меня был бы доступ к грузам прежде, чем Накоши проведет инспекцию. Я могла бы протащить контрабанду сразу или отложить в сторонку и тихонько выбраться на поверхность ночью, чтобы забрать груз. Там уже можно было бы прикинуть, какой вариант лучше работает, но в любом случае я могла бы больше не платить Накоши.

Я бы продолжала жить в нищенских условиях, пока не скопила бы нужную сумму. А если судить по моим обычным расходам, мне понадобилось бы полгода. Может, даже месяцев пять.

При моей нынешней зарплате курьера плюс левые доходы от контрабанды, достичь желанной цели я могла бы примерно к концу жизни.

Черт, вот досада, что я провалила этот распроклятый экзамен!

После достижения заветной цифры в 416 922 жетона я бы продолжала зарабатывать кучу денег. Можно было бы позволить себе приличное жилье. Моя мерзкая конура стоит восемь тысяч в месяц, но в этом гробу нельзя даже встать. И еще я хотела, чтобы у меня был мой собственный туалет. Вроде бы мелочь, но на самом деле это не так. Я это поняла, в сотый раз топая в ночной рубашке по общим коридорам просто потому, что приспичило среди ночи.

Тысяч за пятьдесят в месяц — а это вполне укладывалось бы в мои доходы — я могла бы снять кондо в куполе Бина: квартиру с гостиной, спальней, туалетом и даже душем. И можно было бы забыть про общественные туалеты. Может, удалось бы даже заполучить кухонный уголок. Не полноценную кухню — это жутко дорого да и кухня должна находиться в отдельной комнате, специально оборудованной против пожара. Но в кухонном уголке разрешено устанавливать специальные конфорки, которые нагреваются до 80 градусов по Цельсию, и 500-ваттные микроволновки.

Я тряхнула головой, прогоняя мечты. Может, когда-нибудь это станет реальностью.

Разочарование на моем лице, судя по всему, видно было даже с другого конца бара. Билли направился ко мне:

— Эй, Джаз, ты чего такая мрачная?

— Деньги, — ответила я. — Которых вечно не хватает.

— И не говори, подруга, — Билли заговорщицки наклонился ко мне. — Слушай, помнишь, ты как-то доставляла мне чистый этанол?

— Конечно помню.

Уступая базисным потребностям человеческой природы, Артемида позволяет ввозить алкоголь, хотя это и горючее вещество. Но ввоз чистого этилового спирта запрещен категорически в связи с его невероятной горючестью. Я протащила его в Артеиду своим обычным способом и надбавила только 20 % к цене — это моя ставка для друзей и родни.

Билли осторожно оглянулся по сторонам, но пара сидевших неподалеку завсегдаев нами не интересовалась, а других посетителей в баре не было:

— Я тебе сейчас кое-что покажу...

Билли протянул руку, достал из-под стойки бутылку с коричневой жидкостью и налил стопку:

— Ну-ка, попробуй.

От этой штуки за метр несло спиртягой:

— А что это такое?

— Виски «Боумор». Односолодовый, 15 лет выдержки. Попробуй, я угощаю.

Кто я такая, чтобы отказываться от дармовой выпивки. Я сделала глоток. И тут же выплюнула эту дрянь обратно. Вот гадость, как будто горящее дерьмо в стакане развели.

— Что, совсем плохо? — спросил Билли.

Я откашлялась и вытерла рот:

— Это точно *не* виски.

Билли хмуро поглядел на бутылку:

— Хмм, знаешь, я попросил одного чувака на Земле выпарить и прислать мне экстракт, а я уже здесь добавил воду и спирт. По идее, вкус должен быть тот же самый.

— Вкус совсем не тот же самый, — просипела я.

— Может, ты просто не привыкла к виски...

— Билли, как по мне, моча и то вкуснее.

— Черт возьми, — Билли убрал бутылку. — Буду продолжать работать над вкусом.

Я хлебнула пива, чтобы избавиться от гнусного ощущения во рту.

Мой Гизмо запищал. Пришло сообщение от Тронда: «Ты свободна сегодня вечером? Можешь забежать ко мне домой?»

Вот досада, а я только что принялась за пиво. Я напечатала ответ: «Уже поздно. Может, потом?»

«Лучше бы сегодня».

«Я только села пообедать...»

«Обед допьешь потом. Обещаю, не пожалеешь»

Еще и насмехается, понимаете ли.

— Кажется, мне надо бежать, — сказала я Билли.

— Да ты что! Ты ж выпила всего одну пинту^[13], — изумился Билли.

— Неотложные дела. — Я протянула ему свой Гизмо.

Билли поднес его к кассе:

— Всего одна пинта. Меньше ты еще никогда у меня не тратила.

— Ничего, в другой раз наверстаю.

Проведя оплату, Билли вернул мне Гизмо (я давным-давно запрограммировала Гизмо принимать запрос платежа от Хартнелла без дополнительной верификации). Я сунула прибор в карман и направилась к выходу. Прочие посетители не обратили на меня ни малейшего внимания. Вот за это я «Хартнелл» и люблю.

Ирина открыла дверь и уставилась на меня с такой неприязнью, как будто я только что нассала ей в борщ. Как обычно, она не собиралась впускать меня, пока я не скажу, зачем пришла.

— Привет, я Джаз Башара, — сказала я. — Мы встречались уже раз сто, не меньше. Тронд попросил меня зайти по делу.

В этот раз она провела меня ко входу в столовую, где в воздухе стоял потрясающе вкусный запах. Что-то мясное, подумала я. Ростбиф? Настоящий деликатес, учитывая, что до ближайшей коровы 400 000 километров.

Заглянув в комнату, я увидела Тронда, тянущего какой-то напиток из маленькой рюмки. Он был в своем обычном халате и беседовал с кем-то, сидящим через стол от него. Собеседника я не видела.

Дочь Тронда Лене сидела рядом с ним и с обожанием смотрела на отца. Обычно шестнадцатилетние подростки ненавидят своих родителей. Я в свои шестнадцать была просто колоссальной головной болью для отца (сейчас я перешла в категорию «общее разочарование»). Но Лене явно боготворила отца.

Она заметила меня и помахала:

— Джаз, привет!

Тронд знаком пригласил меня войти:

— Джаз, заходи, заходи! Ты знакома с Администратором?

Я вошла в комнату и... оп-пачки! Да это же Администратор Нгуги собственной персоной! Запросто сидящая за столом напротив Тронда.

Если коротко, то Фиделис Нгуги — причина существования Артемиды. В бытность свою министром финансов Кении она лично создала с нуля всю космическую индустрию страны. У Кении был один-единственный ресурс, который страна могла предложить компаниям, занимающимся освоением космоса: экватор. Благодаря вращению Земли запуск ракеты с экватора позволял экономить топливо. Но Нгуги поняла, что в ее распоряжении есть и другой ресурс: политика страны в отношении космических запусков. Западные страны практически задушили космическую индустрию огромным количеством запретов и ограничений. А Нгуги сказала: «К черту все это! А что, если мы дадим им свободу?»

Это я просто вольно пересказываю ее слова.

Бог знает, как ей удалось убедить пятьдесят корпораций из тридцати четырех стран вложить миллиарды в создание Кенийской Космической Компании, но она сделала это. Она также позаботилась, чтобы новая мегакорпорация получила всевозможные налоговые льготы и специальные условия.

Вы хотите сказать, что фаворитизм в отношении одной компании — это нечестно? Расскажите это Ост-Индской чайной компании^[14]. Глобальная экономика — это вам не детский сад.

Понятно, что когда ККК понадобился управляющий в Артеиду, они выбрали кого? Правильно, Фиделис Нгуги. Так дела обычно и делаются. Она добыла деньги из ниоткуда, создала мощную индустрию в бывшей стране третьего мира и в результате получила должность Правительницы Луны. Эту должность она занимала уже больше двадцати лет.

— Эээ... — Меня хватило только на невнятное бляенье.

— Представляешь, да?! — подхватила Лене.

Традиционный шарф-дхуку на голове Нгуги контрастировал с ее деловым костюмом.

Она вежливо встала и подошла ко мне:

— Здравствуй, дорогая моя.

Ее английский, в котором слышался акцент суахили, звучал так приятно, что мне прямо тут же захотелось, чтобы она была моей бабушкой.

— Джазмин, — выговорила я, заикаясь, — меня зовут Джазмин Башара.

— Я знаю, — ответила она.

Что?!

Нгуги улыбнулась:

— Мы с тобой уже встречались. Я попросила твоего отца установить воздушное убежище у меня дома, а он привел тебя с собой. Тогда жилище Администратора располагалось еще в сфере Армстронга.

— Обалдеть... а я ничего этого не помню.

— Ты была совсем маленькая. Очаровательная малышка, и слушалась каждого слова отца. А как сейчас у Аммара дела?

Я удивленно поморгала:

— Да в общем нормально. Мы редко с ним видимся. У него мастерская, а у меня — моя работа.

— Твой отец — хороший человек, — сказала Нгуги. — Честный бизнесмен и трудяга, каких мало. И к тому же один из лучших сварщиков во всем городе. Жаль, что вы с ним поссорились.

— А откуда вы знаете, что мы...

Но Администратор уже прощалась с Трондом и его дочерью:

— Лене, рада была тебя снова увидеть. Ты так выросла! Тронд, благодарю за потрясающий обед.

— Всегда рад вас видеть, Администратор, — Тронд встал. Я едва могла поверить своим глазам: он даже не снял халат. Обедал с самой важной персоной на Луне и не счел нужным переодеться ради этого! И еще пожал руку Нгуги, как равный: — Спасибо, что заглянули.

Ирина пошла проводить Нгуги до дверей. Мне показалось, или на хмурой физиономии русской действительно мелькнуло восхищение? Наверное, даже Ирина не может ненавидеть всех без разбора.

— Слушай, это просто офигенно! — обратилась я к Тронду.

— Круто, правда? — Он повернулся к дочери. — Милая моя, тебе пора сматываться к себе. Мне тут надо обсудить кое-какие дела.

Лене театрально застонала, как умеют только девочки-подростки:

— Вечно ты отсылаешь меня как раз тогда, когда начинается самое интересное.

— Не торопись. Еще успеешь стать акулой бизнеса и наводить на всех страх.

— В точности, как мой папаша, — улыбнулась Лене. Она потянулась и подняла с пола свои костыли с упорами для плеч. Опираясь на них, Лене поднялась — ее ноги не доставали до пола. Она наклонилась, чмокнула Тронда в щеку и вышла на костылях. Ноги ее безвольно болтались.

В результате аварии, когда погибла ее мать, Лене осталась парализованной на всю жизнь. Тронд мог хоть жопой деньги есть, но ничто не могло вернуть его дочери способность ходить. Или могло? На Земле Лене была бы прикована к инвалидному креслу. Но на Луне она легко могла передвигаться на костылях.

Именно поэтому Тронд назначил управляющих вице-президентов в свои компании и

переехал жить на Луну. Где Лене Ландвик снова смогла ходить.

— Пока, Джаз! — попрощалась со мной Лене.

— Пока, малышка!

Тронд повертел в пальцах бокал:

— Присядь-ка.

Обеденный стол был просто огромный, и я выбрала стул неподалеку от Тронда:

— Что пьешь?

— Виски. Хочешь?

— Разве что чуть-чуть, просто попробовать.

Он придвинул стакан ко мне, я сделала глоток и довольно прокомментировала:

— О да... вот это больше похоже на правду.

— Я и не знал, что ты любительница виски, — заметил Тронд.

— Обычно нет, но как раз сегодня меня угостили жуткой подделкой, так что хотелось вспомнить, какой он на самом деле. — Я попыталась вернуть ему бокал.

— Оставь себе, — Тронд поднялся, налил себе новый бокал и вернулся к столу.

— А что у тебя делала Администратор?

Тронд откинулся на стуле и закинул ноги на стол:

— Я надеюсь приобрести Алюминиевую компанию «Санчез» и хотел убедиться, что она одобрит сделку. Она одобрила.

— А зачем тебе алюминиевая компания?

— Потому, что я люблю создавать бизнес, — он театрально приосанился. — Я созидатель по натуре.

— Но алюминий? Мне казалось, что с отраслью не все хорошо. Там вроде бы большие проблемы?

— Так и есть, — ответил Тронд. — Это в прошлом алюминий был король, только для постройки каждой из сфер понадобилось *сорок тысяч тонн* металла. Но в настоящий момент численность населения достигла своего пика и мы не строим новые сферы. Если честно, они давно бы обанкротились, если бы не производство монотоплива на основе алюминия. И даже это почти не приносит дохода.

— Похоже, ты опоздал к раздаче. Так зачем сейчас туда лезть?

— Я думаю, что смогу снова сделать индустрию высокодоходной.

— Каким же образом?

— А вот это уже не твое дело.

Я подняла руки:

— Ладно-ладно. Кое-кто слишком сильно реагирует на невинные вопросы. Но даже если ты хочешь производить алюминий, почему бы не основать новую компанию?

Тронд только фыркнул:

— Это, знаешь ли, не так просто. Конкурировать с «Санчез» невозможно. Практически невозможно. Что ты вообще знаешь о производстве алюминия?

— Считай, что ничего, — ответила я, поудобнее устроиваясь на стуле. Тронд явно был настроен поболтать, так что лучше дать ему выговориться. К тому же, пока он говорит, я буду не спеша наслаждаться отличной выпивкой.

— Для начала они добывают руду анортита. Это легкая часть процесса. Им просто нужно отобрать нужные куски породы. Этим круглосуточно занимаются автоматические комбайны. Потом руду выплавляют, проводя электролитический процесс с добавкой

необходимых реагентов, и для этого нужна чертова уйма энергии. Я имею в виду буквально чертову уйму — плавильня «Санчез» использует *восемьдесят процентов* всей энергии, производимой реакторами города.

— Восемьдесят процентов? — Я никогда раньше не задумывалась над этим, но два ядерных реактора, каждый на 27 мегаватт, на самом деле было чересчур много для города, в котором жило всего две тысячи человек.

— Именно столько, но самое интересное — это как они расплачиваются за эту энергию.

Тронд достал из кармана камень. Ничего особенного, самый обычный зазубренный кусок лунной породы. Тронд бросил камень мне:

— Вот, погляди на анортит.

— Камень как камень. — Я легко схватила обломок на лету. — Спасибо.

— Он состоит из алюминия, кислорода, кремния и кальция. Процесс выплавки металла как раз разделяет его на эти составляющие. Алюминий компания продает — это ее основная цель. Кремний они тоже продают — на производство стекла, а кальций за бесценок сдают электрикам, просто чтобы избавиться от него. Остается только один исключительно полезный и нужный побочный продукт производства: кислород.

— Да, знаю, мы им дышим.

— А ты знаешь, что «Санчез» получает энергию бесплатно в обмен на кислород?

Это была новость:

— Seriously?

— Ага. Этот контракт был подписан в самом начале, когда город был только основан. Компания «Санчез» снабжает город воздухом, а в обмен получает столько энергии, сколько захочет, — абсолютно бесплатно.

— Они что, вообще не платят за электричество?

— Да, пока они производят кислород для города. А в производстве алюминия энергия — самая дорогая часть процесса. Так что я никак не смогу с ними конкурировать. Это просто нечестно.

— Бедненький обиженный миллиардер, — съехидничала я. — Тебе бы надо завезти на Луну сносное болотце, чтобы сидеть и тосковать на камушке.

— Ну да, конечно, все богатые — ужасные мерзавцы, от них одно зло, старая песня...

Я допила бокал:

— Спасибо за виски. Так зачем я тебе понадобилась?

Тронд наклонил голову и пристально посмотрел на меня. Похоже, он обдумывал, как бы поаккуратнее сказать то, что собирался. Чего он никогда обычно не делал.

— Я слышал, ты завалила экзамен по РБП?

Я только застонала:

— Что, уже весь город знает? Вы все собираетесь и обсуждаете мои дела, когда меня нет рядом?

— Это маленький город, Джаз, и я всегда стараюсь быть в курсе последних новостей.

Я указала на пустой бокал:

— Если мы будем обсуждать мои неудачи, я хочу еще виски.

Тронд подвинул мне свой бокал, из которого он даже не отпил.

— Я хочу предложить тебе работу. За очень хорошие деньги.

Я сразу повеселела:

— Это совсем другое дело. С этого и надо было начинать. Что тебе нужно привезти?

Что-то большое?

— Это не контрабанда, — Тронд наклонился поближе ко мне, — речь идет о совершенно другом деле. Я вообще не уверен, как ты к этому отнесешься. Но ты всегда вела себя честно — по крайней мере, по отношению ко мне. Можешь дать мне слово, что то, что я тебе скажу, останется между нами? Даже если ты решишь не браться за эту работу?

— Конечно. — Одной вещи я точно научилась у отца: всегда выполняй свои обещания. Отец соблюдал закон, я — нет, но принцип работал в любом случае. Люди куда больше доверяют преступнику, твердо выполняющему свои обязательства, чем ненадежному бизнесмену.

— Единственное препятствие, мешающее мне основать алюминиевую компанию, — этот договор об обмене кислорода на энергию, который подписала «Санчез». Если «Санчез» не сможет поставлять городу кислород, это будет нарушением контракта. И вот тут я могу предложить те же условия: энергия в обмен на кислород.

— А где ты возьмешь кислород? У тебя же нет плавильного цеха.

— Нигде в контракте не сказано, что кислород обязательно должен производиться в процессе выплавки алюминия. Городу по барабану, откуда берется воздух, главное, чтобы он был.

Тронд сцепил пальцы:

— Последние четыре месяца я собираю и складирую кислород. В настоящий момент моего запаса достаточно, чтобы обеспечивать город воздухом больше года.

Я вопросительно приподняла бровь:

— Ты не можешь просто так взять и присвоить кислород, который принадлежит городу. Это абсолютно незаконно.

Тронд только рукой махнул:

— Слушай, за кого ты меня принимаешь? Я купил этот кислород абсолютно законно, у меня с «Санчез» подписан контракт на регулярную поставку воздуха.

— То есть ты покупаешь у «Санчез» кислород, чтобы потом отобрать у них же контракт на поставку кислорода?

Тронд усмехнулся в ответ:

— Они производят столько кислорода, что город не успевает его использовать. Так что они по дешевке продают излишки любому желающему. Я покупал потихоньку, через разные подставные компании, чтобы никто не знал, что я делаю запасы газа.

Я задумчиво потерла подбородок:

— Кислород — вещь опасная в смысле горючести. Как тебе удалось добиться разрешения от города на хранение таких объемов?

— А я не храню его в городе. Я построил несколько огромных емкостей неподалеку от сферы Армстронга. Они находятся в треугольнике, образованном тоннелями сфер Армстронга, Бина и Шепарда. Никакой опасности от идиотских туристов, и если что случится, газ просто спокойно уйдет в вакуум. Они подключены к Системе жизнеобеспечения, но только через отдельный вентиль, который находится вне города. Так что городу ничего не грозит.

— Понятно. — Я повертела бокал на столе. — Значит, ты хочешь, чтобы я саботировала производство кислорода в цеху «Санчез».

— Именно так. — Тронд встал и подошел к поставцу с бутылками, выбрав на этот раз бутылку рома. — Городу понадобится, чтобы кто-то срочно решил эту проблему, и я получу

контракт на обеспечение города кислородом. После этого мне не придется строить собственную плавильню. «Санчез» поймет, что без дармовой энергии выплавка алюминия теряет всякий смысл, и я смогу перекупить весь бизнес.

Он налил себе ром, вернулся к столу и открыл контрольную панель. Комната погрузилась в полумрак, дальняя стена комнаты превратилась в экран.

— Ничего себе, — я показала на экран. — Ты прямо как какой-то киношный суперзлодей.

— Нравится? Мне только что его установили.

На экране возникла спутниковая карта нашей части Моря Спокойствия^[15]. Артемида представляла собой крошечную группу ярко освещенных солнцем кружочков.

— Артемида находится в низменной части моря, — объяснил Тронд. — Здесь много оливина и ильменита. Это хорошо для производства железа, но если ты собираешься производить алюминий, тебе нужен анортит. В низменностях его мало, зато более высокие места просто усеяны этой рудой. Комбайны «Санчез» работают в предгорьях кратера Мольтке в трех километрах к югу отсюда.

Тронд включил лазерную указку на своем Гизмо и показал на точку к югу от города:

— Добывающие комбайны практически полностью автономны. Они запрашивают инструкции, только если упираются в какое-то препятствие или не знают, что делать дальше. Они представляют важнейшую часть деятельности компании, они все сконцентрированы в одном месте, и при них нет никакой охраны.

— Кажется, я начинаю понимать, куда ты клонишь... — пробормотала я.

— Я хочу, чтобы ты вывела комбайны из строя. Все сразу. Причем так, чтобы их нельзя было просто отремонтировать. Компании «Санчез» понадобится по меньшей мере месяц, чтобы доставить новые механизмы. Тем временем добыча анортита остановится. Что означает, что они перестанут производить кислород. А это, в свою очередь, означает, что я выиграю этот контракт.

Я сложила руки:

— Тронд, я не уверена, подходит ли мне это дело. У «Санчез» человек сто рабочих, не меньше. Я не хочу, чтобы люди остались без работы.

— Об этом не волнуйся, — заявил Тронд. — Я собираюсь купить компанию, а не разорять ее, так что все останутся при работе.

— Пусть так, но я ничего не знаю о комбайнах.

Пальцы Тронда пробежали по клавишам и на экране появилось изображение комбайна. Выглядела машина как что-то из специализированного каталога.

— Это комбайн фирмы «Тойота», модель «Цукурума». У меня четыре таких стоят на складе, готовые к работе.

Ничего себе. Ясно, что машину подобного размера везти пришлось по частям и собирать уже на месте. Причем это надо было делать тайно, чтобы никто не задавал неловких вопросов типа: «Слушай, Тронд, а чего это твоя компания вдруг комбайнами занялась?» Судя по всему, его люди уже давно работали над этим планом.

Тронд, похоже, проследил за ходом моих мыслей:

— Да, я уже давно обдумываю это дело. В любом случае, можешь рассматривать мои комбайны столько, сколько захочешь. Разумеется, все это должно остаться в тайне.

Я встала и подошла к экрану, разглядывая громоздкий механизм. Ничего себе махина!

— Значит, мне нужно найти их слабое место? Но я ведь не инженер.

— Это полностью автоматизированные машины, у которых нет никаких систем охраны.

Ты же умная, я уверен, что ты что-нибудь придумаешь.

— О'кей, но что, если меня поймают?

— Джаз? Какая еще Джаз? — театрально заявил Тронд. — Та девочка-курьер, что ли? Да я едва ее знаю. Почему она это сделала? Понятия не имею.

— Ясненько.

— Я просто честен с тобой: наш уговор включает условие, что в случае неудачи я остаюсь в стороне.

— Но почему я? Почему ты решил, что я могу повернуть что-то подобное?

— Джаз, я же бизнесмен, — ответил он. — Моя основная работа — находить и использовать ресурсы, которые не используются на полную мощность. А ты как раз и есть такой ресурс.

Он встал и пошел за новым бокалом рома:

— Ты могла бы стать кем угодно. Ты ведь хотела быть сварщиком? Не проблема. Ты могла бы быть ученым, инженером, политиком. Ведущим предпринимателем. Кем угодно. А ты работаешь курьером.

Я нахмурилась.

— Я говорю это не для того, чтобы осудить тебя, — пояснил Тронд. — Я просто анализирую ситуацию. Ты умна и хочешь заработать много денег. А мне как раз нужен умный человек, и у меня есть много денег. Ну что, интересуется тебя эта работа?

Гмм... я задумалась. Насколько это вообще возможно?

Мне понадобится доступ к воздушному шлюзу. Их всего четыре на весь город, и для того, чтобы пользоваться ими, нужно быть членом Гильдии РБП. Без подтверждения Гильдии на Гизмо люк просто не откроется.

Потом надо преодолеть трехкилометровое расстояние до предгорий Мольтке. Как это сделать? Пешком? И что предпринять, когда я наконец доберусь до места? Комбайны используют для передвижения камеры с круговым обзором. Как подобраться к ним, оставшись незамеченной?

К тому же, у всей этой истории был странный запашок. Тронд явно что-то недоговаривал, и его объяснения насчет того, зачем ему понадобилось вдруг заниматься производством алюминия, иначе, как уклончивыми, назвать было нельзя. Но если что-то пойдет не так, то сцапают меня, а не его. А если меня сцапают, то вышлют на Землю. Я там встать-то не смогу, не то что жить. Я же с шести лет живу при лунном тяготении.

Нет уж, промышленный саботаж не мое дело, я контрабандистка. Да и подозрительно как-то все это звучит.

— Извини, но это дело не для меня, — сказала я Тронду. — Поищи кого-нибудь другого.

— Даю миллион жетонов.

— Договорились.

«Привет, Кельвин!

Как дела? Что-то от тебя уже несколько дней новостей не было. Тебе удалось поступить в шахматный клуб?

Вообще, с каких пор в шахматные клубы для младших классов принимают по результатам конкурса? У них что, такой наплыв желающих, что кому-то приходится отказывать? Или у них просто на всех досок не хватает? Или столов? Или количество часов с

кнопочками ограничено?

Моя школа опять попыталась направить меня в класс для особо одаренных детей. Отец только за, но на фига мне это сдалось? Все равно я, скорее всего, стану сварщиком. Для того, чтобы приварить один кусок металла к другому, дифференциальное исчисление не требуется. (тяжелый вздох...)

Эй, так что у тебя там произошло с Шариссой? Ты все-таки позвал ее на свидание? Или хоть поговорил с ней? Ты хоть как-то дал ей понять, что существуешь? Или по-прежнему стараешься ее всячески избегать?»

«Джаз,

Извини, я в последнее время был сильно занят, всякие дополнительные предметы, знаешь ли. Да, я хожу в шахматный клуб. Сыграл несколько пробных партий просто для того, чтобы установить, насколько я хорошо играю, и мне присудили уровень 1124. Это не слишком хорошо, но я буду учиться, чтобы играть лучше. Я сейчас каждый день играю против моего компьютера и скоро буду играть против живых игроков.

Почему бы тебе не пойти в этот класс для одаренных детей? Хорошая учеба — отличный способ показать родителям, что ты уважаешь их. Тебе надо над этим подумать. Я уверен, что твой отец гордился бы тобой. Мои родители были бы очень рады, если бы я мог попасть в такой класс. Но математика — это так сложно. Я стараюсь, чтобы оценки были только хорошие, но это тяжело.

Но я решил, что буду продолжать учиться. Я хочу строить ракеты, а без математики это невозможно.

Нет, я не говорил с Шариссой. Я уверен, что мальчики типа меня ее не интересуют. Девочкам нравятся большие и сильные ребята, которые могут побить других. А я совсем не такой. Если я попробую с ней поговорить, это будет просто унижение».

«Кельвин, дружище,

Не знаю, откуда ты берешь свои сведения о девочках, но ты не прав. Девочкам нравится, когда мальчики вежливые и заставляют нас смеяться. Мы НЕ любим драчунов и не любим глупых. Уж мне-то можешь поверить, я же девочка.

Я начала помогать отцу в мастерской. Некоторые работы попроще я даже могу делать самостоятельно. Отец платит мне за работу, что приятно. Но из-за того, что я теперь работаю, он перестал выдавать мне карманные деньги. И выходит так, что я, работая, получаю чуть больше того, что раньше получала просто так. Не уверена, что мне это нравится, но что поделаешь.

У отца проблемы с Гильдией сварщиков. Здесь, на Луне, ты либо член Гильдии, либо вольнонаемный. А Гильдия не одобряет независимых работников. Обычно у отца с ними нет проблем, но тут он стал говорить, что «там теперь сплошная мафия». Наверное, там всем заправляет саудовская мафия. Почему саудовская? Не знаю. Почти все сварщики здесь из Саудовской Аравии. Просто так получилось, что саудиты контролируют всю индустрию сварки.

В общем, Гильдия принуждает людей вступать в нее, используя грязные приемы. Они не угрожают, как в фильмах, ничего такого. Просто начинают распускать про тебя разные слухи, ну, что ты нечестный или работаешь плохо. Но отец всю жизнь зарабатывал свою репутацию, так что их приемчики не срабатывают и их рассказы не действуют. Никто из его клиентов

им не верит.

Папаня у меня молодец».

«Джаз,

Мне очень жаль, что у вас проблемы с Гильдией сварщиков. В ККК нет никаких гильдий или профсоюзов. Это специальная административная зона, и обычные законы, которым подчиняются профсоюзы, здесь не действуют. ККК пользуется большим влиянием в правительстве Кении. Многие законы написаны специально для компании. Но это и понятно — мы все выигрываем от работы ККК, и поэтому они заслуживают особого подхода. Если бы не ККК, мы были бы такие же бедные, как остальные африканские страны.

А ты не думала когда-нибудь переехать на Землю? Я уверен, что ты могла бы стать ученым или инженером и зарабатывать кучу денег. Ты же гражданка Саудовской Аравии? Там много больших корпораций и много работы для умных людей».

«Кельвин,

Не, я не хочу жить на Земле. Я девушка лунная. К тому же, это жуткая головная боль с медицинской точки зрения. Я же прожила на Луне больше половины своей жизни, так что мой организм привык жить при одной шестой земной силы тяжести. Для того чтобы переехать на Землю, мне пришлось бы делать кучу специальных упражнений и пить таблетки для стимуляции роста мышц и костей. А потом еще каждый день нужно было бы проводить несколько часов в центрифуге. Фу. Нет уж, спасибо, обойдусь.

Поговори, наконец, с Шариссой, трусишка».

Глава третья

Я осторожно кралась по огромному коридору по направлению к уровню Нижний Олдрин 7. В принципе, красться не было никакой необходимости — в такое безбожное время в коридоре никого не было.

5.00 утра — это время, которое для меня существует больше в теории, чем на практике. Я знаю, что оно есть, но мне редко приходится наблюдать этот час воочию. Да и не особо хочется. Но сегодня был особенный случай: Тронд настаивал на полной секретности, поэтому пришлось встретиться перед работой.

Через каждые двадцать метров в стенах были прорезаны огромные двери грузовых отсеков. Частных владений здесь было мало, и площадь они занимали гигантскую — лишнее свидетельство невероятных денег, которыми владели хозяева бизнеса. Мастерская Тронда была помечена скромной табличкой «LD7–4030-Landvik Industries».

Я постучала, и секундой позже дверь приотворилась. Тронд высунул голову и быстро осмотрел коридор:

— За тобой никто не следил?

— Ну разумеется, следили. И я, как последняя дура, привела их прямо к твоим дверям.

— Не умничай.

— Не говори глупости.

— Заходи, — Тронд жестом предложил мне войти.

Я проскользнула в дверь, и он немедленно закрыл ее. Не знаю, ему действительно ли казалось, что мы действуем скрытно, но если он готов был платить миллион жетонов, чтобы поиграть в агента 007, то я не против.

Мастерская представляла собой гараж. Огромный гараж. Столько места — да я бы убила за такое помещение. В одном углу можно было бы поставить маленький домик, а все остальное пространство застелить искусственным газоном. Четыре огромных комбайна стояли в отдельных боксах и заполняли все пространство.

Я подошла к ближайшему из них и посмотрела вверх:

— Ничего себе...

— Да уж, — ответил Тронд. — Трудно оценить их размеры, пока не подойдешь поближе.

— Как тебе удалось провезти их в город так, чтобы никто не узнал?

— Это было непросто. Доставляли их по частям, и только мои самые доверенные люди знали, что происходит. Я собрал команду из семи механиков, которые умеют держать язык за зубами.

Я оглядела огромное помещение:

— Кто-нибудь еще здесь есть?

— Нет, конечно, я совсем не хочу, чтобы кто-то знал, что я нанял тебя.

— Еще немного, и я обижусь.

Комбайн был четыре метра в высоту, пять в ширину и десять в длину. Корпус машины покрывала блестящая светоотражающая краска, чтобы уменьшить нагрев от солнечных лучей. Каждое из шести колес этой зверюги было по полтора метра в диаметре. Корпус состоял из огромного пустого резервуара. Массивные гидравлические стойки в передней части резервуара и откидывающаяся створка позади — вот и весь механизм забора и сброса

сырья.

В передней части комбайна находился ковш с гибким подсоединением. Никакой кабины водителя, разумеется, не было и в помине. Комбайны были полностью автоматизированы, хотя в случае необходимости ими можно было управлять дистанционно. На месте кабины водителя находилась запаянная металлическая коробка с логотипом «Тойоты» и стилизованной надписью «Цукурума».

Вокруг машины стояли ящики с инструментами и оборудованием, оставленные механиками в конце смены.

Я оглядела эту сцену:

— Похоже, это будет непросто.

— А в чем проблема? — Тронд подошел к комбайну и прислонился к колесу. — Это же просто робот, у него нет никакой защиты. Искусственный интеллект он использует только для прокладки курса. Я уверен, что ты и канистра ацетилена прекрасно справитесь.

— Тронд, эта штука — как танк, и прикончить ее будет так же трудно. — Я обошла вокруг комбайна, чтобы лучше рассмотреть днище машины. — К тому же, она просто утыкана камерами.

— Конечно утыкана — комбайн использует камеры для передвижения, — заметил Тронд.

— И заодно отсылает запись на контрольный пункт, — ответила я. — Как только комбайн встанет, первое, что диспетчер сделает, — промотает запись назад, чтобы понять, что произошло. И увидит меня.

— Закрой чем-нибудь идентификационные отметки на скафандре, — сказал Тронд. — Подумаешь, проблема.

— Еще какая проблема. Диспетчер запросит у инспекторов РБП, что вообще происходит, те придут на место и арестуют меня. Они не сразу поймут, кто это, но это не мешает им оттащить меня в купол, сорвать с меня шлем и сильно удивиться, обнаружив, кто скрывается под маской.

Тронд обошел комбайн и подошел ко мне:

— Я понимаю, что это серьезный вопрос.

Я взъерошила волосы руками. Принять душ утром не удалось, и я чувствовала себя, как грязный ошметок, который уронили в ведро с еще более грязным жиром.

— Мне нужно придумать какую-то штуку с отложенным эффектом, чтобы все случилось уже после того, как я вернусь обратно в купол.

— Не забудь еще, что тебе надо полностью вывести комбайны из строя, потому что, если что-то можно будет отремонтировать, механики «Санчез» все поправят за несколько дней.

— Да, помню. — Я задумчиво пощипала подбородок. — А где у него аккумулятор?

— Впереди, в той коробке с логотипом «Тойоты».

Отсек с предохранителями обнаружился впереди, рядом с коробкой аккумулятора. Внутри находились основные прерыватели, предохраняющие электронику машины от скачков напряжения или коротких замыканий. Надо запомнить.

Я прислонилась к высокому ящику с инструментами:

— Когда резервуар заполнен, комбайн возвращается к плавильне?

— Да. — Тронд подкинул гаечный ключ, наблюдая, как он уплывает к потолку.

— А что потом? Они выгружают руду и возвращаются на работу в предгорья Мольтке?

— Сперва их подзаряжают.

Я провела рукой по гладкому, зеркальному металлу кузова машины:

— Какова емкость аккумулятора?

— 2.4 мегаватт-часа.

— Ух ты! — Я обернулась к Тронду. — Да такой мощности даже на дуговую сварку хватило бы.

— Они же таскают сотни тонн руды, им нужен мощный источник энергии.

Я залезла в кузов комбайна:

— А как они справляются с теплоотдачей? Воск и фазоизменяемый материал?

— Понятия не имею.

Избавиться от лишнего тепла в условиях вакуума не так-то просто. Воздуха, забирающего и уносящего тепло, вокруг нет. А если вы пользуетесь электрическим источником энергии, каждый джоуль энергии в результате превращается в тепло. Тепло от электросопротивления, от трения движущихся частей механизмов или от химических реакций в аккумуляторе — все равно все в конце превращается в тепло.

Город снабжен сложной системой охладителей, которые переносят тепло к термальным панелям возле реакторов. Панели расположены в тени, поэтому они постепенно отдают тепло в виде инфракрасного излучения. Но у комбайна должна быть своя собственная система охлаждения.

После недолгих поисков под днищем машины я, наконец, обнаружила клапан теплоотдачи. Я его сразу узнала — мы с отцом в прошлом много их установили, ремонтируя роверы-луноходы.

— Так я и думала, они используют воск, — сказала я.

Тронд подошел поближе, я видела только его ноги:

— Что ты имеешь в виду?

— Аккумулятор и кожух двигателя окружены трубами с воском. Чтобы расплавить воск, нужно много энергии, поэтому излишки тепла уходят туда. Рядом с трубами с воском проходят трубы системы охлаждения. Когда комбайн возвращается на базу для подзарядки, они прогоняют холодную воду через систему, и воск снова затвердевает. Горячую воду сливают на станции, чтобы спокойно охладить, когда комбайн снова уйдет на работу.

— Ты хочешь сказать, что можешь заставить машину перегреться? — поинтересовался Тронд. — У тебя есть план?

— Это не так просто. Существуют системы, предохраняющие механизмы от перегрева. Комбайн просто прекратит работу, пока система не охладится до нужного уровня. Инженеры «Санчез» справятся с этим за минуту. У меня появилась другая идея.

Я вылезла из-под комбайна, встала и хорошенько потянулась. Потом я вскарабкалась по борту машины и спрыгнула в резервуар для руды. Мой голос звучал гулко:

— Какая-нибудь из камер комбайна видит, что происходит в кузове?

— А зачем? — не понял Тронд. — А, ясно, ты собираешься доехать до предгорий Мольтке в кузове машины!

— Тронд, какая-нибудь камера направлена на резервуар?

— Нет, они нужны только для передвижения и направлены в стороны от машины. Слушай, а как ты выберешься из города? У тебя же нет пропуска в шлюз.

— Об этом не беспокойся. — Я вылезла из кузова и спрыгнула на пол ангара, до которого было четыре метра. Потом я подтянула к себе стул, развернула его, оседлала,

положив подбородок на руки и принялась думать.

Тронд скользнул поближе:

— Ну что?

— Я думаю.

— Слушай, вы, женщины, знаете, как сексуально смотрите, когда сидите вот так, верхом на стуле?

— Конечно, знаем.

— Я так и думал!

— Тронд, я вообще-то пытаюсь сосредоточиться.

— Извини.

Несколько минут я задумчиво рассматривала комбайн, пока Тронд бесцельно слонялся по ангару и перебирал какие-то инструменты в ящиках. Может, он и гений предпринимательства, но терпения у него столько же, сколько у десятилетки.

— У меня есть план, — наконец сказала я.

Тронд уронил гайковерт, который вертел в руках, и заторопился ко мне.

— Рассказывай!

Я покачала головой:

— Не забивай себе голову деталями.

— Но я как раз люблю детали.

— Должны же у дамы быть какие-то секреты. — Я встала. — Но я обещаю, что комбайны «Санчез» будут полностью уничтожены.

— Звучит отлично!

— Вот и хорошо, тогда я пошла домой, мне нужно принять душ.

— Да уж, — пробормотал Тронд, — душ тебе не помешал бы.

Добравшись до своего «гроба», я скинула одежду быстрее, чем пьяная студентка после вечеринки. Накинуть халат и вперед — в душ. Я даже раскошелилась на лишние 200 жетонов, чтобы принять ванну. Божественное ощущение.

Следующий день я провела, развозя грузы, как обычно. Мне не хотелось, чтобы какой-нибудь ушлый козел заметил изменение моего стандартного графика как раз перед готовящимся серьезнейшим преступлением. Ничего особенного, самый обычный день. Вот она я, вся как на ладони, еще и пошвыстываю небрежно. Я проработала до четырех вечера.

Потом я отправилась домой, легла (все равно в этой конуре не встанешь) и стала собирать нужную информацию. Есть одна вещь на Земле, которой я завидую, — Интернет у них куда быстрее. В Артемиде имеется локальная сеть, годная для почты и платежных проводок, но когда речь заходит о сетевом поиске — дело дрянь. Серверы-то находятся на Земле. Что означает, что ответа на каждый вопрос приходится ждать минимум четыре секунды. Скорость света, знаете ли, только медленнее, чем мне хотелось бы.

Я выпила столько чаю, что к общественному туалету приходилось бегать каждые минут двадцать. После нескольких часов работы я окончательно утвердилась во мнении: мне абсолютно необходим мой собственный туалет.

Но в результате у меня сложился рабочий план. И, как в случае с любым хорошим планом, для него требовался чокнутый украинец.

Я припарковала «Триггер» в узком коридоре рядом с дверью Исследовательского центра Европейского Космического агентства.

Мировые космические агентства были одними из первых, кто арендовал помещения в Артемиде. В прошлом лучшие места для аренды находились в сфере Армстронга. Но с тех пор было построено еще пять сфер, а арендаторы остались на старых местах. Некогда сверхсовременный дизайн их помещений устарел лет на двадцать.

Я спрыгнула с карта и вошла в лабораторию. Крохотная приемная за дверью была воспоминанием о тех временах, когда с помещениями было совсем туго. От комнаты под разными углами отходили четыре коридора. Некоторые двери нельзя было открыть, не закрыв перед этим соседнюю дверь. Этот эргономический кошмар служил наглядной иллюстрацией того, что получается, если семнадцать правительств поручают дизайн лаборатории комитету. Я вошла в центральную дверь, прошла почти до конца коридора и очутилась в лаборатории микроэлектроники.

Согнувшийся над микроскопом Мартин Свобода рассеянно, не глядя, потянулся за своей кружкой кофе, по пути благополучно миновав три колбы со смертельно опасными кислотами. Мартин поднял кружку и сделал глоток. Честное слово, этот чертов придурок когда-нибудь себя угробит.

Четыре года назад ЕКА командировало Мартина в Артемиду изучать производственные процессы, связанные с микроэлектроникой. Очевидно, лунные условия предоставляют какие-то уникальные преимущества в этой области. Место в лаборатории ЕКА — работенка завидная, так что Мартин был отличным специалистом.

— Эй, Свобода, — позвала я.

Никакого ответа. Мартин не заметил, как я пришла, и даже не слышал, что к нему обращаются. Это в его духе.

Я дала ему подзатыльник, Мартин отшатнулся от микроскопа и расплылся в широкой улыбке, словно ребенок, увидевший любимую тетушку:

— О, это ты, Джаз! Привет! Как дела?

Я уселась на лабораторный табурет напротив:

— Мне нужно, чтобы ты включил свой режим «чокнутый гений».

— Здорово! — Он крутанулся на стуле ко мне. — Что я могу сделать?

— Мне нужны кое-какие электронные штучки. — Я вытащила лист со схемами из кармана и протянула ему. — Вот это или что-то вроде.

— Бумага? — Он брезгливо держал листок, словно я протянула ему образец мочи, а не схему. — Ты записала это на бумаге?

— Я не умею пользоваться чертежными программами, — ответила я. — Ты глянь и скажи, что думаешь?

Мартин развернул листок и нахмурился, разглядывая мои каракули. Свобода был лучшим электротехником в городе, так что у него не должно было быть проблем с моими схемами.

Он повернул листок боком:

— Ты что, левой рукой рисовала?

— Я тебе что, художник?

Мартин задумчиво потер подбородок:

— Если отбросить в сторону качество исполнения, то дизайн элегантный. Ты откуда-то это скопировала?

— Нет, а в чем дело? Что-то не так?

Он удивленно поднял бровь:

— Просто... просто это отличная идея.

— Я должна сказать спасибо?

— Я даже не знал, что ты настолько талантлива.

Мне оставалось только пожать плечами:

— Я нашла самоучитель по электронике в Сети и проглядела его.

— Ты сама научилась этому? — Он снова посмотрел на схему. — Сколько времени у тебя это заняло?

— С обеда до вечера.

— Ты хочешь сказать, что освоила все это *сегодня*? Ты могла бы быть потрясающим ученым...

Я подняла руку:

— Стоп. Я не хочу больше это слышать. Ты можешь сделать эту штуку или нет?

— Конечно могу, — ответил Мартин. — Когда это тебе нужно?

— Чем скорее, тем лучше.

Он бросил листок на стол:

— Могу сделать к завтрашнему дню.

— Вот и отлично. — Я спрыгнула с табурета и вытащила Гизмо. — Сколько с меня?

Мартин заколебался — а это всегда плохой знак во время переговоров.

Он уже много лет выполнял самые разные мои заказы, чаще всего извлекая антипиратские чипы из провезенной контрабандой в Артемиду электроники. За свою побочную деятельность Мартин обычно брал две тысячи жетонов. Так почему в этот раз он задумался?

— Две тысячи? — предложила я.

Свобода неуверенно хмыкнул:

— Хмм, а как насчет обмена?

— О'кей, — я убрала Гизмо в карман. — Тебе нужно что-то провезти в город?

— Нет.

— Понятно. — Черт побери, ничего мне не понятно. Я занимаюсь контрабандой, какого черта еще ему от меня надо?

Мартин встал и жестом пригласил меня следовать за ним. Мы прошли в дальний угол лаборатории, где он обычно работал над своими побочными проектами. Зачем покупать оборудование, если его тебе и так купят за счет европейских налогоплательщиков?

— Смотри! — Он указал на стол.

Смотреть было особо не на что. В середине стола лежала прозрачная пластиковая коробочка, а в ней... я наклонилась поближе:

— Это что, презерватив?

— Да! — гордо заявил Мартин. — Мое последнее изобретение.

— Ты в курсе, что китайцы опередили тебя на семь веков?^[16]

— Это не обычный презерватив. — Свобода пододвинул ко мне цилиндрический сосуд размером с термос, с присоединенным к нему кабелем и откидывающейся крышкой. — Это входит в комплект.

Я заглянула внутрь. Стенки «термоса» были усеяны крошечными отверстиями, а посередине ко дну был прикреплен закругленный сверху металлический цилиндр:

— О'кей... что бы это...

— Я могу продавать эти наборы по три тысячи жетонов каждый.

— Презервативы стоят 50 жетонов. С чего бы кто-то стал покупать твои по три тысячи?

Мартин усмехнулся:

— А это презерватив многоразового использования!

Я только поморгала изумленно:

— Ты что, издеваешься?

— Ничего подобного! Он изготовлен из тонкого, но прочного материала. Может использоваться сотни раз.

Мартин показал на закругленный стержень в центре сосуда:

— После каждого использования выворачиваешь презерватив наизнанку, надеваешь его на этот цилиндр...

— Фу.

— ...и включаешь режим очистки. Сперва жидкая очистка, потом 10 минут высокотемпературного режима. После этого он стерильный и может быть использован снова...

— Ну уж нет!

— Ну, можно сперва сполоснуть...

Я не выдержала:

— Стоп! Зачем эта штука может кому-то понадобиться?

— А затем, что в случае длительного использования ты сэкономишь деньги, к тому же он прочнее, чем обычные презервативы.

Я уставилась на него с сомнением в глазах.

— Сама посчитай, — предложил Мартин. — Обычные презервативы стоят слишком дорого. На Луне их не производят, здесь нет материалов для производства латекса. А мое изделие прослужит минимум двести раз — это экономия в *десять тысяч жетонов*.

— Гмм... — Язык денег я понимаю. — Может, и не такая уж чокнутая идея. Но у меня все равно сейчас нет денег, чтобы вложиться в твой проект.

— Да я не думал об инвестициях. Мне нужно, чтобы кто-нибудь испытал его.

— И на что мне, скажи на милость, его надеть?

Мартин закатил глаза:

— Да я просто хотел узнать, какие ощущения от него будут у женщины.

— Я не буду спать с тобой.

Он вздрогнул:

— Что ты, что ты! Я просто имел в виду, что ты можешь использовать его в следующий раз, когда у тебя будет секс. А потом расскажешь мне о своих впечатлениях.

— Почему бы тебе самому не трахнуть какую-нибудь девчонку и не спросить ее мнение?

Мартин уставился на свои ботинки:

— У меня нет подружки и вообще у меня с женщинами плохо получается...

— Купол Олдрина битком набит борделями! Классом повыше, классом пониже, можешь выбрать на свой вкус.

— Это не годится. — Свобода скрестил руки. — Мне нужна информация от женщины, которая занимается сексом ради удовольствия. Это должна быть сексуально опытная женщина, а у тебя явно есть опыт...

— Поосторожнее, приятель.

— И секс у нее должен быть в ближайшем будущем. Опять же, у тебя...

— Я бы рекомендовала тебе тщательно обдумать, что ты собираешься сказать дальше.

Мартин запнулся:

— Ну, в общем, ты поняла, что мне нужно.

Я застонала:

— Слушай, давай я просто заплачу тебе две тысячи, как обычно?

— Деньги мне не нужны. Мне нужен тест моей продукции.

Я с ненавистью смотрела на продукцию. На вид это был самый обычный презерватив.

— Он на самом деле работает? Ты уверен, что он не порвется или еще что...

— Абсолютно уверен. Я провел кучу разных тестов: на растяжку, на давление, трение, все, что угодно.

В голову мне пришла неприятная мысль:

— Погоди, так ты что, уже пользовался им?

— Нет, но это не имело бы ни малейшего значения. После процесса очистки он снова стерильный.

— Шутишь... — Я остановилась, сделала глубокий вдох и сказала, стараясь, чтобы мой голос звучал максимально спокойно: — Это имело бы значение. Биологическое, возможно, и нет, но психологическое — точно.

Он только пожал плечами.

Я минуту подумала:

— Хорошо, я согласна. Но не обещаю, что немедленно помчусь искать, с кем бы переспать.

— Конечно, конечно, — закивал Мартин. — Просто в следующий раз, когда это случится естественным образом, ну, ты понимаешь?

— Ладно.

— Вот и отлично! — Он вручил мне коробку с презервативом и устройство для очистки. — Позвони мне, если будут какие-то вопросы.

Я с неохотой взяла в руки его изобретение. Не самое почетное задание, но если посмотреть с точки зрения логики, ничего особенного. Ну, тестирую я какую-то продукцию, что здесь такого?

Я собралась уходить, но вспомнила еще кое-что и обернулась к Мартину:

— Слушай, ты когда-нибудь слышал о чем-то, что называется ЗАФО?

— Нет, а должен был?

— Нет, не бери в голову. Так я забегу завтра за своим прибором?

— У меня завтра выходной. Может, встретимся в Парке? Скажем, часа в три?

— Идет, — ответила я.

— Можно я спрошу, зачем тебе вообще этот прибор?

— Нельзя.

— Понятно. До завтра.

Уровень Конрад Нижний 6.

Я вела карт по знакомым коридорам, стараясь не обращать внимания на неприятное ощущение в душе. Я знала здесь каждый кривой поворот, каждый магазинчик, каждую царапину на стенах. Даже закрыв глаза, я могла точно определить, где нахожусь, просто по шуму вокруг и эху от стен.

Я завернула за угол и оказалась в Ремесленном ряду. Здесь работали лучшие городские мастера, но на стенах не было ни ярких надписей, ни объявлений. У них не было

необходимости завлекать покупателей — их бизнес держался на давно заслуженной репутации.

Припарковавшись перед отсеком CD6–3028, я слезла с карта и в нерешительности остановилась перед дверью. Поддавшись минутной трусости, я повернула было назад, но тут же взяла себя в руки и позвонила в звонок.

Дверь открыл мужчина с обветренным лицом, аккуратно подстриженной бородкой, в белой круглой шапочке-такии на голове. Минуту он спокойно смотрел на меня, потом вопросительно хмыкнул.

— *Добрый вечер, отец,* — сказала я по-арабски.

— *У тебя проблемы?*

— *Нет.*

— *Тебе нужны деньги?*

— *Нет, отец. Я сейчас вполне независима.*

Он нахмурился:

— *Тогда почему ты здесь?*

— *Разве не может дочь навестить отца просто так, чтобы показать ему свое уважение?*

— Не мели чушь, — отец перешел на английский. — Что тебе нужно?

— Мне бы нужно позаимствовать кое-какое сварочное оборудование.

— Интересно. — Отец оставил дверь открытой и ушел в глубь мастерской. Другого приглашения я и не ожидала.

За прошедшие годы здесь почти ничего не изменилось. В отцовской мастерской с пожароустойчивыми стенами было все так же тесно и душно. На стенах были аккуратно развешаны инструменты. Один угол комнаты занимал рабочий стол, рядом висела коллекция сварочных масок.

— Проходи, — пригласил отец, и я последовала за ним в жилую часть через дверь в задней стене мастерской. После моей конуры крохотная гостиная казалась просто-таки царскими покоями.

Помещение включало два спальных отсека вдоль стены — обычное дело для небогатых артемидян. Не так роскошно, как спальня, но уединение гарантировано. Что хорошо. Я выросла в этом доме и знала, что можно делать в таком отсеке.

У отца был кухонный уголок с настоящей плитой, где горел настоящий огонь. Одно из преимуществ житья в помещении, специально оборудованном против пожаров. Это куда лучше, чем микроволновка. Хотя, если вы думаете, что наличие настоящей плиты означает вкусную еду, вы ошибаетесь. Отец старался как мог, но «месиво» — оно месиво и есть. Готовя из водорослей, особо не развернешься.

Одна вещь в комнате оказалась мне незнакомой. Вдоль задней стены от пола до потолка шла метровой ширины полоса металла. Причем шла не вертикально, а под углом. Навскидку я предположила, что угол составлял от двадцати до тридцати градусов.

Я указала на новшество:

— А это что еще за хрень?

Отец мельком глянул на металлическую полосу:

— Это одна штука, которую я давно обдумывал.

— Для чего это нужно?

— Сообрази сама.

Черт, если бы мне давали жетон каждый раз, когда я слышала от него эту фразу... От него никогда нельзя было добиться прямого ответа — все должно было служить обучающим примером.

Отец скрестил руки на груди, наблюдая за мной, как делал это сотни раз в прошлом, задавая мне разные загадки.

Я подошла к стене и потрогала металл. Держится крепко, само собой, отец никогда ничего не делал спустя рукава:

— Листовой алюминий два миллиметра толщиной?

— Правильно.

— Значит, ему не нужно выдерживать боковую нагрузку...

Я провела пальцем по линии соединения металла со стеной и почувствовала крохотные бугорки под пальцами через каждые двадцать сантиметров:

— Точечная сварка? Вроде ты обычно так не делаешь...

Он пожал плечами:

— Не знаю, может, это была глупая мысль. Я пока еще не решил.

Наверху, в нескольких сантиметрах от потолка, к металлу были приварены два крюка:

— Ты собираешься что-то сюда повесить?

— Правильно. Но что?

Я обвела взглядом металлическую полосу:

— Секрет в странном угле наклона... у тебя есть угломер?

— Я подскажу, чтобы зря не возиться, — сказал отец. — Угол отклонения от вертикали составляет двадцать два и девять десятых градуса.

— Ага... — я задумалась, — Артемида находится на долготе двадцать два и девять десятых... Ясно. Я поняла, зачем эта штука.

Я повернулась к отцу:

— Это для молитвы.

— Верно, — ответил он. — Я называю это «молельная стена».

Луна постоянно обращена к Земле одной стороной. Так что, хотя мы находимся на орбите Земли, с нашей точки зрения, Земля не движется. Точнее, технически говоря, она немного колеблется благодаря лунной либрации, но лучше вам не забивать себе голову этими пустяками. Короче, Земля неподвижно висит в небе. Она вращается вокруг своей оси и проходит разные фазы, но она не двигается с места.

Наклонная металлическая полоса указывала на Землю, чтобы отец мог обратиться лицом к Мекке во время молитвы. Большинство мусульман здесь обычно просто поворачивались лицом на запад, что мой отец и делал всю жизнь.

— А как ею пользоваться? — поинтересовалась я. — Тебе же понадобятся какие-то ремни? Ну, в смысле, стена же почти вертикальная.

— Не говори чушь, — отец приложил ладони к «молельной стене» и наклонился. — Вот так, все легко и просто. Это куда больше в соответствии с Киблой^[17], чем просто поворачиваться на запад на Луне.

— По-моему, это просто глупо. Пап, ты же не ожидаешь, что мусульмане в Австралии пророют дыру в земле и будут смотреть вниз. Думаешь, Мухаммед оценит?

— Эй, — резко заметил он, — если ты не практикуешь ислам, тебе не стоит обсуждать пророка.

— Хорошо, успокойся, — я показала наверх. — А крючья зачем?

— Сама подумай.

— Опять ты... — проворчала я и добавила: — Для молитвенного коврика?^[18]

— Верно, — отец подошел к столу в кухонном уголке и уселся на один из стульев. — Я не хотел дырявить свой обычный коврик, так что заказал другой с Земли. Его привезут через несколько недель.

Я присела к столу, за которым столько раз обедала в детстве и юности:

— У тебя есть номер накладной? Я могу сделать так, что ты получишь его быстрее.

— Спасибо, не надо.

— Пап, в этом нет ничего незаконного, я просто попрошу кое-кого.

— Спасибо, но не надо. — Он слегка повысил голос. — И не будем об этом спорить.

Я скрипнула зубами, но промолчала. Пора сменить тему разговора:

— У меня странный вопрос: ты слышал когда-нибудь о штуковине под названием ЗАФО?

Отец вопросительно приподнял бровь:

— Это вроде какая-то древнегреческая лесбиянка, разве нет?

— Нет, ту звали Сафо^[19].

— Да? Тогда не знаю. А что это такое?

— Понятия не имею, — призналась я. — Просто увидела случайно название и заинтересовалась.

— Ты всегда отличалась любопытством. И всегда умела находить ответы на любые вопросы. Может, тебе стоило бы хоть иногда использовать свои недюжинные таланты для чего-то полезного?

— Папа... — Нотка предостережения прозвучала в моем голосе.

— Хорошо, — он сложил руки. — Стало быть, тебе нужно сварочное оборудование?

— Ага.

— В прошлый раз, когда ты пользовалась моим оборудованием, все закончилось не слишком хорошо.

Я застыла, стараясь не отводить взгляд, но не смогла себя пересилить и опустила глаза.

Отец сказал уже более мягким тоном:

— Извини. Мне не стоило этого говорить.

— Ты прав, — ответила я.

Повисло неловкое молчание. Что-что, а это искусство мы за многие годы освоили в совершенстве.

— Ну ладно... — неловко начал отец, — так что тебе нужно?

Я постаралась сосредоточиться, потому что у меня не было времени на то, чтобы чувствовать себя виноватой:

— Мне нужна горелка, пара баллонов с ацетиленом, кислородный баллон и маска.

— А как насчет неона?

Я смущенно поморщилась:

— Да, и неон тоже.

— Забываешь простейшие вещи, — укоризненно заметил отец.

Неон мне был не нужен, но я не могла ему этого сказать.

Сварку алюминия необходимо проводить в нейтральной среде, чтобы поверхность не окислялась. На Земле для этого используют аргон, просто потому, что его там хоть завались. Но на Луне нет благородных газов и их приходится завозить с Земли. Неон весит в половину

меньше аргона, поэтому мы используем неон. Я собиралась проводить сварку в вакууме, так что мне неон был не нужен. Нет кислорода — нет окисления. Но я не хотела, чтобы отец понял, что я буду делать. К тому же, я собиралась резать сталь, а не алюминий. Но опять же — ему незачем было об этом знать.

— Так зачем тебе сварочный аппарат? — поинтересовался отец.

— Собираюсь устанавливать воздушное убежище для одной знакомой.

Я лгала отцу столько раз, что не упомнишь, особенно когда была подростком. И всякий раз без исключения я чувствовала себя при этом гнусно.

— А почему твоя знакомая не хочет нанять сварщика?

— Она уже наняла. Это я и есть.

— Ах, ты теперь еще и сварщик? — Отец театрально округлил глаза. — А сколько раз ты мне твердила, что не хочешь этим заниматься?

Я вздохнула:

— Пап, это просто приятельница, которая хочет устроить убежище у себя в спальне. Я даже денег с нее почти не беру.

Установка воздушного убежища была самым обычным делом, особенно среди вновь прибывших иммигрантов. У новичков обычно настоящая паранойя насчет «смертоносного вакуума за стенами». Это абсолютно иррациональное чувство — стены куполов Артемиды исключительно надежны, но страх редко бывает логически обоснован. На практике эти убежища очень скоро превращаются просто в очередной стеной шкаф.

— И какая часть вашего договора незаконна?

Я обиженно глянула на него:

— С чего ты решил, что что-то обязательно незаконно?

— Так что там незаконно? — повторил отец.

— Ее квартира в Армстронге прилегает к внутренней стене купола. Так что мне придется приварить убежище непосредственно к стене сферы. В таких случаях правила требуют проведения целой кучи дополнительных проверок, а она просто не может себе это позволить.

Отец только фыркнул:

— Бессмысленная бюрократическая волокита. Даже самый тупой новичок не в состоянии повредить алюминиевую плиту толщиной в шесть сантиметров.

— Вот-вот, и я то же самое говорю.

Он сложил руки и нахмурился:

— Эти городские ограничения — только лишние препятствия для бизнеса...

— Ты мне это рассказываешь?!

— Ладно. Возьми все, что нужно. Но тебе придется возместить мне стоимость ацетилена и неона.

— Само собой, — ответила я.

— Ты в порядке? Выглядишь бледновато.

Меня уже тошнило от этой ситуации. То, что пришлось врать отцу, заставило меня снова почувствовать себя подростком. Знаете, что я вам скажу: на свете нет никого, кого я ненавидела бы больше, чем Джаз Башару, когда та была подростком. Эта тупая мелкая дрянь совершила все ошибки, которые только можно было совершить. Моя нынешняя жизнь — это все из-за нее.

— Я в порядке. Просто устала немного.

«Дорогая Джаз,

Мне на день рождения подарили большой постер с космическим кораблем «Руса»^[20]. Потрясающий корабль! Самый большой из всех построенных космических лайнеров! Он вмещает до двухсот пассажиров! Я как раз читаю про него. Я понимаю, что слегка заикнулся на нем, но какая разница? Это так интересно!

Корабль просто невероятный! Там даже есть центростремительная гравитация с достаточно большим радиусом, чтобы никого не укачивало. Еще они заранее приучают пассажиров к лунной гравитации. За время семидневного полета к Луне они постепенно замедляют вращение корабля. Получается, что когда пассажиры только всходят на борт лайнера, они испытывают силу тяготения, равную $1g$, а к тому времени, когда корабль садится на Луну, сила тяготения уже равна $1/6 g$. По пути назад они проделывают это в обратном порядке, чтобы дать возможность людям заново привыкнуть к $1g$ земного тяготения. Представляешь, как круто?

Я никак не могу понять, что такое «циклическая орбита Упхофф-Крауч». То есть, я понимаю, что это баллистическая орбита, перемещающаяся между Землей и Луной... Просто странно: стартуешь с Земли, через семь дней садишься на Луне. Потом орбита перемещается куда-то совсем в другую сторону и возвращается к Луне через четырнадцать дней. Пару недель она вроде как просто висит на эллиптической орбите вокруг Земли... я никак не пойму, что эта орбита делает. Даже пытаться не буду. Все равно главное то, что корабль просто потрясающий.

Когда-нибудь, когда я буду уже богатый строитель ракет, я прилечу в Артемиду. Мы можем встретиться, чаю попить.

Слушай, а когда вы с отцом переехали на Луну, вы не на «Русе» летели?»

«Дорогой Кельвин,

Нет, «Руса» тогда еще не был построен. Мы летели на «Коллинзе»^[21] — это был единственный космический корабль в то время. Это было десять лет назад (и мне тогда было всего шесть лет), так что я не помню всех деталей. Но помню, что искусственной гравитации там не было. В корабле везде была невесомость, и я просто потрясно повеселилась там, летая от стенки к стенке!

Ты меня прямо заинтриговал с этими орбитами, так что я решила почитать, что же это такое. Вроде все понятно. Корабль движется по циклической орбите и каждая ступень занимает семь дней: Земля — Луна (потом глубокий космос вне пределов плоскости орбиты Земля — Луна), Луна — Земля (глубокий космос в плоскости орбиты Земля — Луна). И этот цикл повторяется снова и снова. Если бы Луна стояла на месте, то корабль мог бы просто летать туда-сюда, но Луна совершает оборот вокруг Земли раз в месяц, что чертовски усложняет весь цикл.

Я просмотрела математические формулы расчета орбиты и проверила по уравнениям. На самом деле просто, можно даже посчитать в голове».

«Дорогая Джаз,

Это ты можешь посчитать в голове. Я бы что угодно отдал, чтобы быть таким умным, как ты. Но я так не могу. Ничего страшного. Зато я постоянно работаю, а ты настоящая лентяйка».

«Дорогой Кельвин,

Да как ты смеешь называть меня лентяйкой! Я придумаю какой-нибудь едкий ответ, но потом. Сейчас просто лень.

Слушай, мне нужен совет. Мы с Эдгаром собираемся на наше четвертое свидание. Мы уже целовались (но ничего больше). Я бы хотела чего-то большего, но только не слишком быстро. Я еще не готова полностью раздеться. Можешь что-нибудь посоветовать?

«Дорогая Джаз,

Только одно: сиськи».

«Дорогой Кельвин,

Ты серьезно? И все? Так просто?»

«Дорогая Джаз,

Да».

Глава четвертая

На следующее утро я проснулась голышом в роскошной мягкой постели.

И нет, рядом со мной никого не было. Каждый мыслит в меру своей испорченности. Мне просто захотелось узнать, какова будет на вкус жизнь, когда у меня появится миллион жетонов.

Я потянулась и выгнула спину. Как же я здорово выпалась!

Это вам не мой гнусный «гроб», здесь была отличная шумоизоляция. Соседи не мешали спать визгливыми ссорами или громким сексом. Не было слышно разговоров в коридоре, и пьяные идиоты не натыкались на стены.

А какая кровать! Я спокойно могла улечься поперек и все равно поместилась бы. Простыни и одеяло были мягче бархата. Постельное белье ласкало кожу, не то что моя пижама.

Эта роскошь стоила две тысячи жетонов за ночь. Когда я получу причитающееся мне с Тронда, я тут же куплю шумоизолированную квартиру и такую кровать.

Я глянула на Гизмо: одиннадцать утра?! Ну и заспалась же я!

Я выскользнула из теплой постели и направилась в ванную — персональную ванную. Халат надевать не надо, никто не заглядывается на тебя, пока идешь по коридору. Я и мой мочевого пузырь отправились по делам в блаженном одиночестве.

Я умылась и приняла долгий-предолгий душ. Персональный душ — еще одна вещь, запланированная на будущее. Вода в Артемиде стоит дорого, но мы в любом случае попусту ее не тратим. В городе установлена замкнутая система водоснабжения, так что оплата на самом деле идет за очищение воды. В отеле использовалась система рекуперации серых стоков^[22]. Первые двадцать литров — это свежая вода (хватает примерно минуты на три). После этого система подогревает уже использованную воду, и ты используешь ее снова. Так что можно стоять в душе сколько угодно, но используешь все равно только двадцать литров. Важное примечание: не стоит писать в душе, который использует «серую воду».

Я набросила потрясающе мягкий махровый халат и соорудила на голове тюрбан из полотенца.

Пора было заняться следующим этапом моего зловредного плана. Лазить по Интернету в этот раз было не нужно, нужно было только как следует подумать. Я снова улеглась на Кровать, С Которой Джаз Башара Хотела Бы Вообще Не Вставать, и рассеянно принялась перебирать в уме разные идеи.

Задача: как выбраться из города?

Воздушный шлюз не откроется без команды члена Гильдии РБП. Для этого есть вполне весомые причины: последнее, что нам нужно, это чтобы какой-то необученный придурок забавлялся с контрольной панелью шлюза. Не вовремя открытый воздушный шлюз — это наиболее быстрый и эффективный способ убить всех под куполом.

Поэтому, чтобы открыть шлюз, надо приложить свой Гизмо к контрольной панели, которая получит подтверждение, что ты член Гильдии. Это примитивная, но прекрасно работающая система защиты от дурака. Недостаток этой системы только в одном: она не способна защитить от *решиительно настроенного* дурака.

Исходя из требований защиты человеческой жизни, воздушные шлюзы не оборудованы контрольными панелями с наружной стороны. Если у вас проблемы со скафандром, утечка

воздуха и вам надо как можно быстрее попасть внутрь, то последнее, что вы хотите видеть, это надпись «Идет проверка разрешения доступа» на табло двери.

Так что все, что мне было нужно, это чтобы кто-то открыл шлюз снаружи. Кто-то... или что-то.

Администрация гостиницы предупредила, что мне придется освободить комнату, или они выставят счет за вторые сутки, так что я завела «Триггер» и отправилась на уровень Армстронг Нижний 4, или, как его местные называют, в «Маленькую Венгрию». Практически все металломастерские принадлежали венграм, так же как вьетнамцы оккупировали все службы в системе жизнеобеспечения, а саудиты — сварочные работы.

Я остановила карт возле мастерской коллеги отца. Звали ее Жока Стробль (похоже, когда ребенку давали имя, в стране был дефицит гласных), и она специализировалась по сосудам, находящимся под давлением. Когда отцу заказывали воздушное убежище, он обычно покупал сам корпус у Жоки. Качество всегда было отличное, а качество — это то, что отца волнует больше всего.

Я припарковала «Триггер» и постучала в дверь. Жока приоткрыла дверь, выглянула в щелочку одним глазом и спросила с грубым венгерским акцентом:

— Что надо?

Я показала на себя:

— Миссис Стробль, это я, Джаз Башара.

— Ты дочь Аммара Башара, — ответила она. — Он хороший человек. И ты была хорошей маленькой девочкой. А теперь ты плохая.

— Угу... Послушайте, мне нужно с вами кое о чем поговорить...

— Ты не замужем и спишь с разными мужчинами.

— Да уж, я блудница, каких поискать.

Я еле сдержалась от того, чтобы высказать ей, что ее собственный сын Иштван перетрахал столько парней, сколько мне за всю жизнь не успеть.

— Мне просто нужно одолжить кое-что на пару дней. Я готова заплатить тысячу жетонов.

Она приоткрыла дверь пошире:

— Одолжить что?

— Мне нужен ваш БИК.

Жока принимала участие в строительстве сфер Бина и Шепарда. Строительство куполов — та еще работенка (хотя и хорошо оплачиваемая).

Она вместе с десятками других специалистов изготавливала слегка выгнутые металлические треугольники, которые потом закреплялись на каркасе и формировали корпус сферы. Специалисты РБП собирали каркас и начерно заклепывали детали, чтобы обеспечить начальную герметизацию обшивки. Служба жизнеобеспечения подавала дополнительный воздух, чтобы компенсировать утечку, пока сварщики вели сварку настоящих швов изнутри купола. Отец, как я помню, получил за эту работу кучу денег.

Мастера, придерживающиеся рабочей этики, постоянно проверяют свою работу. Но как проверить внешнюю сторону купола, если ты не лицензированный РБП-мастер? Тут нужен Бот для Инспекции Купола, короче БИК.

На самом деле они представляют собой просто небольшие радиоуправляемые машинки с крючьями вместо колес. Внешние корпуса сфер Артемиды покрыты специальными

скобами для облегчения доступа ремонтников. БИКи используют эти скобы, чтобы добраться до нужного им места. Не очень эффективно? Другого способа вскарабкаться по внешней стороне купола нет. Алюминий немагнитный металл, присоски и пропеллеры в вакууме не действуют, а использовать ракетные двигатели было бы верхом дорогостоящего идиотизма.

— Зачем тебе БИК? — спросила Жока.

Я заранее продумала, что ей сказать:

— Аварийный выпускной клапан в Шепарде слегка протекает. Его отец устанавливал, он попросил меня проверить место сварки.

Поддерживать в Артемиде постоянное давление не так просто, как кажется. Если население города использует больше энергии, чем обычно, атмосферное давление в сферах повышается. Почему? Потому, что энергия переходит в тепло, которое повышает температуру, что повышает давление. Как правило, Служба жизнеобеспечения сбрасывает излишки воздуха из системы, чтобы компенсировать этот процесс. Но что, если это не сработает?

Именно поэтому в каждом куполе есть аварийные выпускные клапаны. Когда давление становится слишком высоким, клапан открывается, и лишний воздух стравливается из купола, пока давление не придет в норму.

— Если твой отец заварил шов, то утечки не будет. Должно быть, там какая-то другая причина.

— Мы обе это понимаем, но проверить все равно надо.

Жока обдумала вопрос:

— Надолго он тебе нужен?

— Всего на пару дней.

— Тысяча жетонов, говоришь?

Я достала Гизмо:

— Да, и я могу заплатить вперед.

— Подожди секундочку, — Жока закрыла дверь.

Вскоре она снова открыла дверь и передала мне небольшой чемоданчик. Я открыла его, чтобы убедиться, что все, что нужно, на месте.

БИК представлял механического жука длиной сантиметров тридцать. Четыре двигательных крюка были сложены для удобства хранения, а механическая «лапа» была уложена зигзагом на спине робота. Лапа оснащена камерой высокого разрешения на конце и базисными захватами и манипуляторами. Годится только для того, чтобы тыкать в нужное место и записывать результат, но именно это и нужно для дистанционной проверки состояния обшивки купола. А также именно то, что нужно для моего злодейского плана.

Жока протянула мне небольшой обтекаемый пульт управления с кучей кнопок и джойстиков вокруг видеозэкрана.

— Знаешь, как пользоваться?

— Я прочитала инструкцию в Интернете.

Она нахмурилась:

— Сломаешь, будешь платить.

— Ты только никому не говори, — я задержала палец над экраном Гизмо. — Гильдия сварщиков только и ищет, за что бы прицепиться к отцу, так что я не хочу, чтобы они об этом узнали.

— Аммар хороший человек. И сварщик хороший. Я никому не скажу.

— Договорились?

— Да, — Жока вытащила свой Гизмо.

Я отправила ей деньги, и она подтвердила, что деньги получены.

Жока вечно была всем недовольна и к тому же считала меня полной пустышкой. Но знаете что, я бы хотела, чтобы вокруг было больше таких как она, — никакой лишней болтовни, никакой дешевой хрени, никаких претензий на дружбу. Простой обмен товаров и услуг на деньги. Идеальный партнер по бизнесу.

Дальше пришлось отправиться в сферу Бина для небольшого шопинга. Там все дороже, чем мне хотелось бы, но мне нужно было кое-что особенное. Мусульман в Артемиде мало (мой отец — один из них), поэтому не так много магазинов, продающих товары для них. Я купила длинное бежевое платье, украшенное яркой стилизованной вышивкой, которое устроило бы самую консервативную мусульманскую девицу. К нему я подобрала темно-зеленый никаб. Сперва я хотела было купить черный или коричневый, но зеленый лучше подходил к бежевому платью, создавая стильный ансамбль в «земных» оттенках. Если даже планируешь ограбление, почему бы при этом не выглядеть хорошо?

[Купить полную версию книги](#)

notes

Американские астронавты, инженеры и летчики-испытатели космической программы НАСА.

Базз Олдрин — американский авиационный инженер, полковник ВВС США в отставке и астронавт НАСА. Пилот лунного модуля корабля миссии «Аполлон-11», совершившего первую в истории пилотируемую посадку на Луну.

Чарльз Питер «Пит» Конрад-младший — американский астронавт, один из 24 человек, долетевших до Луны, и один из 12, кто на неё высаживался.

Алан Бин — американский астронавт, четвертый человек, высаживавшийся на Луну.

Алан Бартлет «Эл» Шепард-младший — американский астронавт, контр-адмирал американских ВМС. Командир космического корабля «Аполлон-14», посадочный модуль которого совершил посадку на поверхность Луны.

Многоцелевое устройство. От слова gizmo — непонятное устройство, гаджет, «штуковина».

Улицы с самыми престижными и дорогими магазинами.

Афоризм, приписываемый Дж. П. Моргану.

Быстрый парный танец со скользящими движениями.

«Лунная пыль мелкая, как порошок, но режет не хуже стекла. Пыль эта образуется при падении метеоритов на лунную поверхность. Они раскаляют и размельчают скальные породы и почву, которые содержат кварц и железо. А поскольку на Луне нет ветра и воды, чтобы затупить режущие края, крошечные крупинки очень острые и имеют зазубрины. И они прилипают почти ко всему. Агрессивная природа лунной пыли представляет собой более серьезную проблему для инженеров и для здоровья поселенцев, чем радиация», — написал в 2006 году в своей книге «Возвращение на Луну» (Return to the Moon) астронавт из экипажа «Аполлона-17» Гаррисон «Джек» Шмитт (Harrison (Jack) Schmitt). Эта пыль пачкала скафандры и слоями снимала подошвы лунных ботинок. Пыль проникала вслед за астронавтами внутрь космических кораблей. По словам Шмитта, она пахла порохом, и из-за нее было трудно дышать. Ученые НАСА доказали, что лунная пыль необычайно опасна для человеческого организма.

«Звездный Путь (Star Trek)» — классический американский научно-фантастический сериал о приключениях команды звездолета «Энтерпрайз» в далеком будущем.

Капитан звездолета «Энтерпрайз», известный, в частности, романами с прекрасными инопланетянками почти в каждом эпизоде сериала.

На кораблях серии «Аполлон» использовалась атмосфера, состоящая из чистого кислорода при пониженном давлении. Ее предпочли близкой к воздуху по составу кислородно-азотной газовой смеси, так как чистый кислород давал выигрыш по массе: из-за пониженного давления герметичная конструкция корабля становилась существенно легче, из-за простого состава среды упрощалась и облегчалась система жизнеобеспечения. Кроме того, упрощался и ускорялся выход в открытый космос.

Соединения кремния служат основой для производства стекла. Кислород в стекольной промышленности находит широкое использование для поддува или кислородного дутья, также используется при сжигании вместо воздуха в качестве окислителя.

Процесс, при котором жидкость получают, разводя порошок водой.

Пинта — около полулитра жидкости.

Британская Ост-Индская компания (англ. East India Company), до 1707 г. — Английская Ост-Индская компания — акционерное общество, созданное 31 декабря 1600 г. указом Елизаветы I и получившее обширные привилегии для торговых операций в Индии. Фактически королевский указ предоставил компании монополию на торговлю в Индии.

Темное пятно, область на видимой стороне Луны.

Возможно, автор имеет в виду, что в конце XV века голландские купцы начали привозить из Китая презервативы, сделанные из тонкой кожи. Известны случаи и более раннего использования средств контрацепции, в частности презерватива. Старейшим возможным свидетельством является предполагаемое изображение во французской пещере Grotte des Combarelles, сделанное 12–15 тысяч лет назад.

Кибла (*ислам*) — установленное из любой точки земного шара направление в сторону священной Каабы в г. Мекке в Аравии, соблюдаемое всеми мусульманами во время совершения молитв и отправления ряда ритуалов.

Специальный маленький прямоугольный коврик для намаза — ежедневных молитв в исламе.

Сафо, Сапфо — прославленная древнегреческая поэтесса с острова Лесбос, около 630 г. до нашей эры.

Стюарт Аллен «Стю» Руса — астронавт США. Родился в Дуранго (штат Колорадо). Стюарт Руса был в составе экспедиции «Аполлон-14», третьей высадке людей на Луну.

Майкл «Майк» Коллинз — американский астронавт и летчик-испытатель. Побывал в космосе дважды. Первый полет — на «Джемини-10» (июль 1966 г.), его командиром был Джон Янг. Второй полет — вокруг Луны на «Аполлоне-11» (июль 1969-го), когда Нил Армстронг и Эдвин Олдрин впервые совершили посадку на поверхность спутника Земли.

Замкнутая система водоснабжения работает по схеме автономного цикла, где все сточные воды, после их тщательной фильтрации и очистки, возвращаются в водоприемник для повторного использования. Подобный «круговорот воды в производстве» позволяет исключить загрязнение окружающей среды. Серые стоки — это вода, загрязненная жиром и моющими веществами и не содержащая фекалии и мочу (вода из умывальников, ванн, душа и т. п.).